

9/74

ЛОВЕСНИКЪ

На первой странице обложки: Школьники из Гамбурга. Когда-то стены их школы, как и стены других домов предместий их большого портового города, были скучными, серыми. И это когда-то было совсем недавно. Практически совсем быстро забывается, когда вокруг издают краски, когда всю эту радость ты сотворил сам.

2. СМОТРИТЕ
4. Стефан Продев. ДОБРЫЙ ДЕНЬ ДОБРОГО НАРОДА
7. Эрнст Генри. ЧЕГО ОНИ ДОБИВАЮТСЯ?
7. Владимир Цветов. АЙСБЕРГ НА ВЕСЕННЕЙ ГИЗНЕ
12. Герхард Томкович, Ульрих Праман. «ХАЙЛЬ, ГОФМАН!»
14. Юрий Устищенко. ОРАНЖЕВЫЕ ТУЧИ НАД ОЛЬСТЕРСМ
16. В. Ардатовский. ЧЕРНАЯ ПАУТИНА
19. М. Кригер, Л. Переверзев. DYLAN: СНОВА В ПУТИ
22. ЧТО ГОВОРЯТ... ЧТО ПИШУТ...
24. Борис Сенькин. БОГИ В КОРОТКИХ ШТАНИЦАХ

ЛОНДОН. Газета «Морнинг стар» опубликовала письмо из Сантьяго, автор которого пишет о том, что в фашистских застенках Чили пыткам подвергаются даже дети. Так группа ребят от 6 до 16 лет была неожиданно прямо из школы города Сан-Антонио вывезена на допрос в местечко Тексас-Ведрас. Одновременно на место проведения следствия были доставлены их родители. Агенты полиции пытали детей током и били резиновыми палками.

ПАРИЖ. В июне Национальное собрание Франции одобрило поправку к закону об избирательном праве. Теперь оно предоставлено французам в возрасте 18 лет, а не 21 года, как это было прежде. Демократические силы страны, в том числе и передовая молодежь, уже давно добивались принятия такого решения. Отныне 2,5 миллиона юношей и девушек смогут включиться в политическую жизнь Франции. В новых условиях демократизм предостит большая работа: консервативные силы рассчитывают воспользоваться политической неопытностью молодежи, превратить ее в орудие укрепления власти монополий в стране.

На снимке: Май. Митинг коммунистической молодежи Франции принимает петицию с требованием об изменении избирательного закона.

БУЭНОС-АЙРЕС. Здесь состоялся очередной X съезд Федерации коммунистической молодежи Аргентины. На нем присутствовало 700 делегатов и гостей. Из 130 делегатов Буэнос-Айреса более половины представляли рабочую молодежь.

Резолюция съезда предусматривает активизацию работы на крупных предприятиях, в рабочих кварталах, не снижая при этом внимания к проблемам учащихся школ и вузов. Главной же задачей X съезда, как заявил генеральный секретарь ФКМ Жорже Перейра, является «определение верного направления деятельности для аргентинской молодежи, которая совместно с народом борется за полное социальное и национальное освобождение страны». Впервые за 28 лет съезд аргентинского комсомола проходил в легальной обстановке.

НЬЮ-ЙОРК. Известный исполнитель песен протеста Пит Сигер посвятил свой очередной концерт борьбе за сохранение окружающей среды. Концерт, собравший тысячи слушателей различных возрастов, проходил в Бруклине, неподалеку от аэропорта Кеннеди. «Если бы у меня был молот» и «Цветы тех лет» звучали под аккомпанемент реактивных пассажирских самолетов, покидающих аэропорт либо совершающих здесь посадку каждую минуту.

На снимке: Поет Пит Сигер.

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

КТО ОНИ —

ВРАГИ РАЗРЯДКИ И МИРНОГО
СОСУЩЕСТВОВАНИЯ;

ГАНГСТЕРЫ ОТ ПОЛИТИКИ;

ПРОПОВЕДНИКИ ИДЕЙ НАЦИЗМА
И МИЛИТАРИЗМА? —

ЧЕГО ОНИ ДОБИВАЮТСЯ?

РАЗМЫШЛЕНИЯ, РЕПОРТАЖИ, ОЧЕРКИ.

ПНОМПЕНЬ. По сведениям, поступившим из камбоджийской столицы, пять тысяч студентов и учащихся средних школ устроили демонстрацию перед зданием министерства просвещения в Пномпене. Молодежь потребовала освобождения своих товарищей, которых держат под арестом за их выступления против насильственного набора учащихся в армию Лон Нола.

ЛЕЙПЦИГ. 10-тысячный слушатель зачислен на так называемые курсы Гердера, десятимесячную школу немецкого языка для иностранных студентов, прибывающих на учебу в ГДР. Программы курсов учитывают специфику родного языка слушателей, а также их будущую профессию. Ныне здесь обучается молодежь из 50 стран мира.

ЛИССАБОН. В яркую демонстрацию единства демократических сил Португалии вылился грандиозный митинг в городе Порту, организованный Португальской коммунистической партией. Выступивший на митинге Генеральный секретарь ПКП А. Куньял призвал португальский народ укреплять единство демократических сил, обеспечить необратимость процесса демократизации общественно-политической жизни в стране.

На снимке: Накануне митинга молодые коммунисты распространяют листовки компартии.

В
М
Т
емирный
олодежный
елеграф

ЖЕНЕВА. В докладе конференции Международной организации труда отмечается, что в настоящее время в странах капитала насчитывается не менее 75 миллионов полностью безработных. Эта цифра не включает сезонных рабочих, тех, кто занят по краткосрочному найму либо имеет неполную ставку; число неполностью занятых составляет 300 миллионов человек.

БУХАРЕСТ. Здесь объявлено о предстоящем введении всеобщего обязательного десятилетнего обучения. Румынская средняя школа приобретает следующую структуру: первый этап — начальная школа, второй — гимназия (каждый продолжается 4 года) и, наконец, двухлетний лицей.

Всего в стране будут организованы восемь типов лицеев по профилям: естественнонаучный, гуманитарный, промышленный, экономический, сельскохозяйственный и лесной, медицинский, педагогический, художественный. Уже в сентябре нынешнего года в стране будут открыты 163 новых лицей, причем в сельской местности создаются филиалы городских лицеев.

ГДАНСЬК. Уже два года на балтийском побережье работает группа молодых исследователей «Балтика», действующая под патронатом отдела экологии Федерации социалистических союзов польской молодежи.

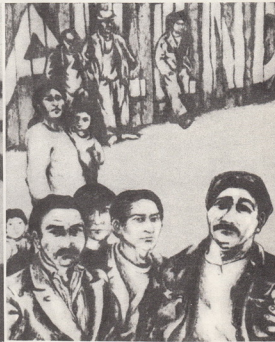
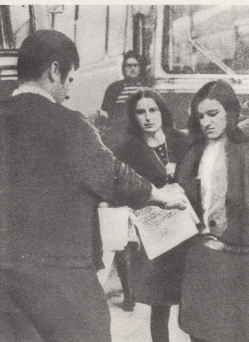
Коллектив студентов Гданьска, состоящий из океанографов, физиков и биологов, с начала года проводит исследования по определению состава воды и биологического режима одного из наиболее загрязненных рукавов Вислы. «Оживим мертвую реку!» — гласит лозунг студентов.

БЕРЛИН. В городах и деревнях Германской Демократической Республики прошли выборы в местные органы власти. В народных представительства избраны самые достойные граждане страны.

На снимке: Звельи Шмидль, передавая работница металлургического комбината в Эйзенхюттенштаде, депутат городского Совета. Молодежный объект предприятия — прокатный цех, где трудятся 19-летний депутат, осваивает сейчас новую высокопроизводительную установку.

МЮНХЕН. Многие прогрессивные деятели искусства Западной Германии активно участвуют в движении солидарности с народом Чили против приговора фашистской хунты.

На снимке: Работа молодой художницы-графика из Мюнхена Ренаты Зендлер-Петерс «Мы с вами, патриоты Чили!».

10
E.T. couloir 34-44 2e étage
salle 14
E.T. Célignon
établissement
couloir 34-44
2e étage
salle 13
Que faire?

8) La loi Royer : pourquoi la combattre
(CET FORTUNE)
9) Nous sommes de futurs TRAVAILLEUX
Comment continuer la lutte dans les autres
(CET RUC)

LE
MENT
PARRIENNE

Liberté d'exp
dans les coord.

CE C
GANE
BERA
(CET M)

смотрите :

У 23 миллионов людей на Земле свой новый год, студенческий. В зрелости и старости о студенческих годах вспоминают часто как о безоблачных. Но это, конечно же, не так — волнений, даже чисто человеческих волнений о собственной судьбе на ближайшей сессии, хватает. Но есть волнения и другого порядка, порожденные проблемами, стоящими перед студенчеством Запады. О некоторых из них «Ровесник» писал в майском номере, посвященном проходившему в Будапеште XI конгрессу МСС.

Три фотографии, которые вы видите перед собой, рассказывают о последних днях минувшего студенческого года во Франции, Англии и Италии, днях активной борьбы за социальные, политические права, за демократизацию системы образования.

«Ровесник» обратился к вице-президенту Международного союза студентов Шерифу Туре с просьбой прокомментировать эти фотографии и рассказать коротко о задачах студенчества Запады в этом новом учебном году.

«Проблемы минувшего учебного года остаются в повесте дня студенческих движений стран капитала. В первую очередь это значит, что в кампусах и вне их продолжается борьба за демократизацию и модернизацию системы образования, за то, чтобы она служила интересам общества, а не монополий, борьба за социальные и политические права студентов. Ясно, что демократическое студенчество и впредь не будет замыкаться в скорлупу «чисто студенческих» вопросов. Оно, как всегда, в гуще всех событий общенационального и международного масштаба. Я имею в виду классовые бои, борьбу за прогрессивные социально-политические преобразования, антиимпериалистические и антивоенные выступления, действия в пользу мира и разрядки напряженности. Что касается МСС, то принципиальной и энергичной деятельностью он в минувшем году подтвердил свою репутацию авангарда демократического студенческого движения. Недаром продолжает расти популярность нашего союза. На XI конгрессе МСС в Будапеште в наши ряды вступили еще 11 организаций».

Итак, впереди новый студенческий год. Он обещает быть боевым.

К 30-летию СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В БОЛГАРИИ

Такой счастливой возможностью останавливать миг располагают, пожалуй, только фоторепортеры. На этих страницах они запечатлели минования жизни Болгарии, прекрасные минования вдохновения и радости... Стремительно летят качели, и волосы девочки откинулись не опадая; каким-то своим мыслям улыбается молодая женщина; радостно светится лицо мальчика, так счастливо придумавшего ход в своей партии; и двое у станка, только что узнав что-то друг от друга, остались довольным этим знанием...

Ведь минования, остановленные фоторепортерами, в жизни не останавливаются. Красноречивее слов они рассказывают о ней, солидарной и прекрасной жизни наших болгарских друзей, отмечающих в сентябре большой и прекрасный праздник своей родины.

ДОБРЫЙ ДЕНЬ ДОБРОГО НАРОДА

Где-то в конце XIX века один буржуазный философ заявил, что человечество безнадежно состарилось и от него нельзя ожидать ничего нового. Если верить ему, то Францию источили прошедшие революции и... жизнелюбие, Англия предвещала свободу на волнах пуши и камин. Германия перестала рожать гениев, потому что не чувствовала в себе достаточно сил учиться у них. Россия похоронила Достоевского и ищет утешения в мистических заклинаниях Арцыбашева¹. Скандинавия составила страшный рецепт Нобеля² и просит о прощении через молитвы Ла-

герлеф³. Даже Америка — это малолетнее дитя цивилизации — проявляет признаки преждевременной анемии духа. Буржуазный мыслитель решил, что человечество уже достигло всех вершин общественной деятельности и теперь медленно опустился в златые тени у их подножия, чтобы спокойно прожить свой «последний возраст». «И как жаль, — убежденно писал он, — что такие недавно пробудившиеся нации, как дальневосточные и Балканские, вынуждены принять профсору отпущения грехов раньше, чем успели сделать первые творческие шаги молодости...»

Стефан ПРОДЕВ, болгарский писатель, специально для «Ровесника»

Воспоминания об этом мрачном пророчестве конца минувшего века пришли на ум не случайно. Они вызваны к жизни искренними признаниями, недавно прозвучавшими со страниц английской газеты «Санди экспресс», которая писала: «Следует признать, что наша старость — явление не общечеловеческое. В то время как мы корчимся от приступов подагры, другие народы движутся вперед по дороге истории. Россия уже далеко впереди. Чехословакия догоняет нас. А такие страны, как Болгария и Румыния, превосходят все ожидания. Много жизненности, много молодости на Востоке, и мы обязаны считать с этим».

Признание консервативной «Санди экспресс» — это не только трезвый вывод из хода общественного развития, приближающий нас к истинному положению ве-

¹ Арцыбашев М. П. (1878—1927) — писатель, проповедовавший аморализм и отвращение к общественным идеалам. (Прим. ред.)

² Нобель А. Л. Фред (1833—1896) — шведский инженер и предприниматель, владелец заводов по производству взрывчатых веществ. (Прим. ред.)

³ Лагерлеф Сельма (1858—1940) — шведская писательница, идеализировавшая в своих произведениях доантиквистическую патриархальную шведскую провинцию. (Прим. ред.)

щей в современном мире, но и своеобразный символ изменения буржуазной мысли, ее самоотречения. Многие из того, что на закате XIX века звучало как «единственная истина» и не терпело никаких возражений, сегодня, в изменившейся исторической обстановке, стало похожим на анекдот, который не столько злит, сколько смешит. Характерным примером тому может служить пессимистическое предсказание Т. Карлейля¹ (цитируемого выше буржуазного философа и историка), опровергнутое печатным органом лорда Бьювербрука. Неудержимое развитие понятий и вещей в наши дни часто принуждает ряд авторитетов публично отказываться от своих старых умозаключений, капитулировать перед фактами прогресса.

Многие неоспоримые исторические доказательства опровергают взгляды Т. Карлейля на будущее мир, раскрывают их несостоятельность. И социалистическое

развитие Болгарии, ее экономическое и духовное возрождение — одно из наиболее ярких, убедительных, сильных. Если рассматривать его с точки зрения старого хироманта, оно, несомненно, покажется фантастичным, невероятным. Как писала упомянутая «Санди экспресс», Болгария «превосходит все ожидания». И в первую очередь абсурдные ожидания Т. Карлейля.

Более 75 лет тому назад Т. Карлейль предложил болгарам, как одному из только что пробудившихся балканских народов, просфору отлучения греков. Согласно предсказаниям его гороскопа эта нация не получила права на молодость, на развитие, на... будущее. Обрета самостоятельность на закате буржуазной цивилизации, она (как утверждал философ) упустила все возможности для движения вперед и не могла надеяться на нечто большее, чем имела. Болгария ему напоминала тогда невинно осужденного на смерть, который получает право лишь на долю секунды существования после падения гильотины. Молодая болгарская нация поднялась к жизни как раз в тот момент, когда

весь капиталистический мир мечтал об «отдыхе», о покойном и долгом сне. Это обстоятельство вынудило «пророка» скептически усмехнуться и заявить с полной убежденностью, что «усталость утомит всех», включая и... «малолетних».

И история будто пыталась подтвердить прогноз этого буржуазного мыслителя. Целых 66 лет Болгария находилась в плену общей капиталистической усталости, живя как пьяный на анатомическом столе войн и классовых столкновений, 66 лет она была вынуждена считаться с приговорами Запада и вечернему туалету, его летаргическим темпом роста, его миром полных теней и видений, которые больше думали о смерти, чем о жизни. Безумцы и преступники пытались затормозить историческое развитие Болгарии, стараясь тем самым облегчить себе задачи ограбления ее богатств. Они скитались по странам капиталистического полушария, изучали тайны буржуазного могущества и возвращались домой, преисполненные снобизма угасающей культуры. Так в течение десятилетий, хотя и кипевшая изнутри сила, Болгария была вынуждена играть роль утомленной, есть «модерной», страны. В целом этот театр был не столько нелогичен, сколько жесток. Только что воскресшая нация стала жертвой буржуазного бессилия, моды времени, общей инертности. Чтобы не портить впечатления о себе тем, что она отстала страна, Болгария была вынуждена насильно изучать искусство «большого зевка», сонного жеста, артистически изображаемой скуки. Старый мир дремал, и никто не имел права поднимать шума, беспокоить его. Никто, даже... дети...

Но «шутки» истории не могут продолжаться бесконечно. Прогресс не ищет согласованности с печальными предсказаниями. У него свои законы — сильные и неотвратимые, действующие независимо от желаний, снобизма и утомленности буржуазии. В недрах молодой болгарской нации бушевали мощные творческие силы, которые искали пути и средства для проявления. Это были силы еще не пройжитой исторической молодости. Они ненавидели окопы, ждали часа своего освобождения. И этот час, желанный и необходимый, желанный и выстраданный, не заставил себя долго ждать. Он грянул над Болгарской землей в тот великий момент, когда прогрессивное человечество рушило остатки фашизма. Был сентябрь 1944 года, 66-летняя «шутка» истории отошла в могилу прошлого и сама стала историей.

Освободившись от классового гнета (от «усталости и снобизма») буржуазной реакции, болгарская нация смело двинулась по пути возрождения. Ее долго сдерживаемые силы, хотя и со значительным опозданием, нашли свое отражение уже в первых общественных проявлениях. То были первые творческие всплески молодости, первые неудержимые взрывы социальной революции, которые неизбежно сопутствуют всякому историческому пробуждению. Гороскоп Т. Карлейля полетел в преисподнюю. «Там, на Балканах», — писал американец Липпман, — одно пятно превращается в государство». Многие господа капиталисты не упустили предоставившейся возможности «по достоинству» оценить сравнение Липпмана и снисходительно усмехнулись. Но всего лишь несколько лет спустя молодая Болгария так уверенно встала на ноги, что даже малейшее снисхождение звучало уже как полнейшая нелепость. Таким образом, деловые мужи оказались столь же «удально-видимыми», как и Т. Карлейль. Народно-де-

¹ Карлейль Томас (1796—1881) — английский философ-идеалист и историк. (Прим. ред.).

молочарская Болгария — эта страна возрастной молодости — действительно «превзошла все ожидания».

Много, очень много можно привести фактов возрождения болгарской нации после революционной победы Девятого сентября. Их можно найти во всех областях жизни: ярких, сочных, смелых. По словам парижской «Монад», это «факты — гордость» (для Востока) и «факты — познания» (для Запада). И действительно, всего за 30 лет наша социалистическая родина совершила такие дела, которые полностью затмили «шедевры» буржуазного прошлого. Болгария превратилась в значимую экономическую единицу, активную культурную силу, страну с высоким национальным самосознанием и самостоятельным политическим словом. Темпы ее раскрепощенной молодости оставили далеко позади медленные, параличские темпы капиталистического класса, который после своего пулювского господства с трудом смог завещать народу лишь предпоследнее место в статистических сводках Европы. Социалистическая Болгария совершила громадный качественный скачок. Она не только покинула традиционные для себя предпоследнее место в европейской экономической хронике, но и опередила ряд старших, кичивших собой буржуазных государств.

Еще совсем недавно — всего каких-нибудь 15—20 лет назад — первые творческие проявления нашего молодого возрожденного отечества встречались взрывами насмешек и издевок. Тогда было немало государственных деятелей, подобных мистру Вевну¹, который весело болтал, что Болгария напоминает ему «малолетнего героя из книг Жюль Верна» и печатных изданий, таких, как журнал «Пари-мат», который с серьезным видом утверждал, что «болгары умеют добывать себе пропитание фантастическим образом». Но время текло быстро, и смех становился все более слабым, все более растерянным,

все более выученным. Подобно мифическому герою, социалистическая Болгария росла не по дням, а по часам, блестяще осуществляя, казалось бы, неосуществимое. Ее бурная общественная энергия кипела во всех областях жизни, совершая воистину творческие чудеса. Только за 10 лет (1945—1954 гг.) наша народная республика построила в четыре раза больше заводов, чем было в царской Болгарии. После пяти лет кооперативного хозяйствования (1948—1953 гг.) ее земля стала приносить урожай в два раза богаче обычного. Только за 8 лет (1950—1958 гг.) число учебных заведений утроилось.

Хотя и сухо, но верно, факты наглядно показывают изумительный скачок. В 1972 году НРБ произвела промышленной продукции в 21 раз больше, чем в 1948 году. По темпам роста национального дохода, которые в течение двадцати лет составляли примерно 9 процентов, она вышла в число передовых стран мира. 20 лет назад Болгария была на 30-м месте по производству электроэнергии. Сейчас она занимает 35-е. По добыче медной руды страна перешла с 13-го места на 6-е, а олова — с 19-го на 4-е.

Насмешки врагов прекратились — хохот затих, анекдоты канули в вечность. На их место — совершенно естественно — пришли смущение, удивление, уважение. И признание. Все громче стали раздаваться голоса, призывающие Францию подать руку новой Болгарии. «Для французских деловых кругов, — писала «Фигаро», — рукопожатие с Болгарией было бы достойным и необходимым». Характерно также, что турецкая «Джумхурьет» подавала голос о сближении и сотрудничестве «Болгарские электромоторы и токовые двигатели ничуть не хуже английских. Зато они дешевле. Нашему рынку необходимо открыть для них ворота...» Хотя и без особого желания, скорее по принуждению, капиталистический мир трубит отбой. Полки лжи, клеветы, политического шантажа, психологических диверсий сворачивают свои знамена перед звонким мечом истины. Ни классовая злоба, ни национальная зависть не в силах сломить этот меч, про-

тивостоять мощи его удара. Исторические успехи современной Болгарии оказываются сильнее и ярче. Да и как могло быть иначе! Они ведь рождены закономерным общественным подъемом, буйной молодостью...

Великое возрождение болгарской нации особенно сильно чувствуется сегодня, когда от нее ждут опережения времени, слияния настоящего с будущим. Никогда в прошлом — далеком или близком — перед этой нацией не стояло tanta колоссальной задачи. Никогда в прошлом — далеком или близком — эта нация не была столь способна выполнить ее. Все сделанное до сих пор выглядит довольно скромно по сравнению с тем, что предстоит сделать. Поскольку то, что предстоит сделать, — наш грандиозный скачок во времени, наше вступление в коммунизм.

Возможно, какой-нибудь застенчивый скептик спросит нас: откуда такая наша уверенность в будущем, такой оптимистический взгляд вперед? Можно ли нас обвинять в легкомыслии или пропагандистской задумке. Никогда в прошлом — далеком или близком — не слышите с восторгом, господни скелитки! Наш оптимизм не случаен. В его основе лежат не только гигантские дела победоносной революции, но и не имеющие себе равных свершения исторической дружбы. Свершения болгаро-советского братства, без которого современная Болгария немисляма. Все, чего мы добились и чего добьемся, — плод этого искреннего братства. Плечом к плечу с великой Страной Советов мы непобедимы. Минувшие тридцать творческих лет нашей свободы доказательство тому. Именно поэтому, празднуя день рождения болгарской социалистической революции, мы, естественно, празднуем и великий союз между СССР и Народной Республикой Болгарией. Самый чистый союз между двумя свободными народами, который когда-либо знала история...

Сегодня над возмужавшей трудовой Болгарией горит сияние чистого дня. Сияние социализма... Добрый день доброго народа!

Перевела с болгарского В. СЕДЫХ

¹ Вевни Э. (1881—1951) — английский политический деятель. (Прим. ред.)

БОЛГАРИЯ СЕГОДНЯ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ДОХОД Болгарии в 1973 году более чем в 7 раз превысил уровень 1939 года.

ПРОМЫШЛЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО за 30 лет возросло более чем в 43 раза. В Болгарии созданы новые отрасли промышленности — черная и цветная металлургия, машиностроение, электротехническая, химическая, электронная. Промышленность дает 51 процент национального дохода.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО дает около 22 процентов национального дохода. На полях страны работает более 55 тысяч тракторов, около 18 тысяч комбайнов, тысячи других сельскохозяйственных машин. За истекшие 30 лет сельскохозяйственное производство возросло более чем в 2,5 раза.

СРЕДНЯЯ ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА рабочих и служащих за последние 12 лет возросла в 1,5 раза.

ЖИЛОЙ ФОНД Болгарии обновлен на 60 процентов. За годы социализма в стране с населением в 8,6 миллиона человек построено 1,4 миллиона новых домов и квартир.

ЭКСПОРТ Болгарии в прошлом состоял преимущественно из продуктов сельского хозяйства, главным образом в непереработанном виде. Теперь 42 процента экспорта — машины и оборудование — электромоторы, суда, электромоторы, тракторы, металлорежущие станки, химикаты.

ТОРГОВЫЙ ОБОРОТ Болгарии в 1973 году со странами СЭВ составил более 4,5 миллиарда левов, что в 3 раза превышает объем товарооборота в 1960 году. Болгария вывозит из этой страны более 90 процентов экспортруемых ею электронно-счетных машин, электромоторов, тракторных сельхоз, свыше 70 процентов гидравлических, более 60 процентов электромоторов и станков, большую часть текстильных изделий и тканей.

ДВУСТОРОННЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО между Болгарией и СССР началось в первые годы после второй ми-

БОЛГАРИЯ СЕГОДНЯ

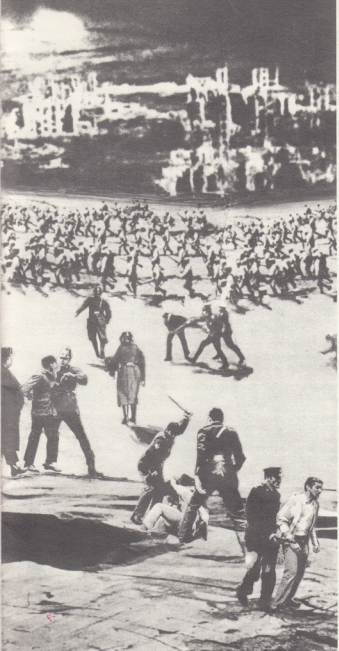
ровой войны. С помощью советских долгосрочных кредитов и при техническом содействии СССР было построено более 180 промышленных предприятий и объектов, определяющих индустриальный облик современной Болгарии. На эти предприятия вылавляется почти все количество черных металлов, 85 процентов цветных металлов, вырабатывается свыше 55 процентов химических продуктов, 60 процентов электроэнергии. С помощью СССР Болгария заканчивает строительство первой очереди Козлодуйской атомной электростанции, воздвигает магистральную линию электропередачи «Дружба», по которой ежегодно из Советского Союза поступает 3 миллиарда киловатт-часов электроэнергии, скоро Болгария будет получать 3 миллиарда кубометров природного газа по газопроводу СССР — Болгария.

ДИМИТРОВСКИЙ КОМУНИСТИЧЕСКИЙ СОЮЗ МОЛОДЕЖИ (ДКСМ) объединяет в своих рядах более миллиона юношей и девушек. За свою героическую борьбу и самоотверженный труд союзу награждены несколькими орденами.

В РУКОВОДЯЩИЕ ОРГАНЫ НАРОДНОЙ ВЛАСТИ избраны 20 тысяч болгарских юношей и девушек. 17 процентов всех работающих в органах управления — молодежь.

ПО КОЛИЧЕСТВУ СТУДЕНТОВ на тысячу жителей Болгария занимает одно из первых мест в мире. Сейчас в 27 вузах обучается более 100 тысяч человек. Почти 52 процента студентов — девушки. В 1972/73 учебном году во всех учебных заведениях страны занималось более 1,5 миллиона человек.

В ДВИЖЕНИИ МОЛОДЕЖНЫХ БРИГАД ежегодно участвует более 100 тысяч юношей и девушек. В прошлом году в молодежной бригаде имени Георгия Димитрова, которая работала на строительстве Девенского промышленного комплекса, трудились студенты из 14 стран.

«КАЖДЫЙ РУБЕЖ НА ПУТИ К ПРОЧНОМУ МИРУ ВЕРЕТСЯ С ВОЕМ, В ОСТРЫХ СТОЛКНОВЕНИЯХ С НАИБОЛЕЕ РЕАКЦИОННЫМИ КРУГАМИ ИМПЕРИАЛИЗМА И ИХ СООБЩИКАМИ. МЕЖДУ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ АГРЕССИВНЫХ СИЛ И СТОРОННИКАМИ РЕАЛИЗМА РАЗВЕРСИВАЕТСЯ ВОРЬБА ПРАКТИЧЕСКИ ВО ВСЕХ БУРЖУАЗНЫХ СТРАНАХ. НО КАКИЕ БЫ ОСТРЫЕ ФОРМЫ НИ ПРИНИМАЛА ЭТА ВОРЬБА, МЫ УВЕРЕНЫ В ОДНОМ: БУДУЩЕЕ НЕ ЗА ПРИВЕРЖЕНЦАМИ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ», НЕ ЗА ТЕМИ, КТО КОТЕЛ БЫ ТОЛКНУТЬ НАРОДЫ В ПРОПАСТЬ ВОЙНЫ».

Из речи Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева перед избирателями Бауманского избирательного округа Москвы

ЧЕГО ОНИ ДОБИВАЮТСЯ?

Эрнст ГЕНРИ

Верно ли, что для мира наступают лучшие дни? Можно ли в самом деле уже теперь, в 70-х годах, ожидать действительной, длительной разрядки напряженности на международной арене?

Об этом сейчас думают и говорят повсюду как в социалистических, так и в капиталистических странах, говорят с волнением и надеждой старые и молодые. Всем понятно, как много зависит от ответа на этот вопрос. После войны прошло 29 лет — почти половина человеческой жизни, но туни на международной арене начали отступать только совсем недавно. Современники чувствуют: положено начало чему-то такому, что может изменить весь ход событий в нашем столетии.

Несомненно, делаются лишь первые шаги: еще дымят некоторые очаги опасных пожаров, но гари становятся меньше, атмосфера очищается. Все говорит за то, что разрядка международной напряженности становится историческим фактом, а не только назревшей проблемой. Каждый народ на Земле уже думает о том, как сложится его жизнь в новых условиях безопасности. Кому не понять, как это важно — навсегда покончить с войнами!

Вспомним кое-что из прошлого Европы. Факты общеизвестны, но вот немного статистики. Только вдвумываясь в холодные, беспристрастные цифры, начинаешь по-настоящему осознать, через что прошел один лишь наш континент.

XVII век. В Европе одна большая война и множество мелких. Погибает 3 миллиона 300 тысяч солдат и офицеров и неизвестное число лиц гражданского населения.

XVIII век. Четыре большие войны. Европа терлет убитыми 5 миллионов 372 тысячи солдат и офицеров. Число гражданских жертв опять нельзя подсчитать.

XIX век плюс первые 13 лет XX (1800—1913). Нескончаемые войны, в которых волея-неволей участвуют почти все европейские государства. Итог: 5 миллионов 674 тысячи погибших солдат и офицеров.

XX век минус первые 13 лет. Два колоссальных взрыва. Первая мировая война — свыше 9 миллионов жертв, вторая — 50 миллионов.

Считаем по-другому: среднегодовое число погибших в войнах. XVII век — 33 тысячи человек, XVIII век — 53 тысячи, XIX век и первые 38 лет XX — 116 тысяч, 1939—1945 годы — свыше 8 миллионов. За шесть лет второй мировой войны погибает вдвое больше людей, чем за 338 лет до нее. Это счет в смертях. Страдания оставшихся в живых статистика не учитывает.

Сколько жертв при современном уровне военной техники потребовала бы развязанная империалистами новая большая война? Есть разные домыслы и догадки, но по-настоящему, разумеется, никто этого не знает и знать не может. Ясно только, что произошла бы величайшая катастрофа в мировой истории.

И ясно другое. Политика международной разрядки, политика мирного сосуществования стала в наше время действительно возможной для всего человечества. Для тех, кто хочет, чтобы люди жили, творили, развивались, находили счастье, другой политики нет. Это настолько очевидно, что, казалось бы, сдвиг действующих против разрядки, в современном мире существовать не может.

Между тем они существуют. Разгадать их нетрудно. Мы говорим о силах международной реакции.

Тот, кто помнит историю, не удивится. Реакция, руководствуясь узкими классовыми интересами, всегда и везде стояла поперек пути двигающегося вперед человечества. В каждую эпоху реакционеры под тем или иным прикрытием, с теми или иными лозунгами выступали против общественного прогресса, против передового класса, против мира между народами.

Никому не поддается, во что обобщил миру их авантюры: не только в человеческих жизнях, но и в материальных ценностях, по графе «культура», в темпах социального развития. Так, например, мы в точности знаем, что первая и вторая мировые войны были развязаны правыми и крайние правыми силами разных стран. Мы знаем, что начавшаяся во второй половине 40-х годов под флагом антикоммунизма «холодная война» велась все той же международной реакцией. И мы знаем с такой же достоверностью, что сопротивление разрядке сегодня исходит из тех же кругов. Разберемся, в чем заключается нынешняя программа этих сил в главных капиталистических странах.

Чего хотят, к примеру, современные американские реакционеры-антисоветчики — те, кого называют «ястребами»? Легче сказать, чего они не хотят, ибо этого они и не скрывают. Они не хотят — ни за какую цену — подлинного мирного сосуществования. Не хотят — ни при каких обстоятельствах — прекращения гонки вооружений и респуска военных блоков. Не хотят улучшения советско-американских отношений, взаимовыгодного экономического сотрудничества с социалистическими странами, полного мирного урегулирования на Ближнем Востоке и в других «кризисных» районах.

Их люди действуют повсюду: в палатах конгресса США, кабинетах Пентагона, ЦРУ, дирекциях монополий, газетных и телевизионных фирмах, в американском профсоюзном объединении АФТ — ИПП, Агенству «Ястребов» работает не покладая рук. Существует, например, особая организация под названием «Совет американской безопасности» (САБ), объединяющая десятки монополистов, в особенности же тех, кто причастен к производству оружия массового уничтожения. Капиталы участников исчисляются миллиардами долларов. Во главе САБ стоит сейчас бывший агент Федерального бюро расследований Фишер, в руководство входят около двадцати оставших генералов и адмиралов, в том числе четыре бывших председателя объединенного комитета начальников штабов США — столпов Пентагона. Короче говоря, САБ — это настоящий политический штаб американского военно-промышленного комплекса.

В чем состоит его деятельность? По существу, в одном: в развязывании антисоветских интриг и разжигании антикоммунистической пропаганды. Все средства идут на это. Ведутся регулярные радиопередачи, рассылаются статьи, брошюры, «анкеты», письма по частным адресам, направляются агенты в клубы конгресса. САБ не жалеет усилий, чтобы сорвать переговоры между США и СССР о сокращении вооружений и побудить Соединенные Штаты пойти по пути «достижения военного превосходства» над СССР, то есть по пути войны, ничем не ограниченной гонки вооружений. С этой целью начата кампания массовой пропаганды под названием «Тревога». Ее задача — запугать обывателей США.

Так действуют сегодня американские реакционеры. Работа САБ все лишь один пример. Рядовые американцы хотят мира и рады улучшению советско-американских отношений. Но несомненно и то, что у «ястребов» есть влиятельные друзья в Пентагоне, ЦРУ, штабах НАТО.

Перенесемся в Западную Европу. На каких позициях стоят сегодня правые в ФРГ, утратившие власть пять лет назад? По главному вопросу — на тех же, что и американские «ястребы». Они тоже целиком за возобновление «холодной войны». Правда, у них на это свои причины. Несмотря на все, что произошло за последние три десятилетия, западногерманские реакционеры и сегодня не отказываются от реваншистской политики. Они и теперь мечтают о том, чтобы, следуя старому плану канцлера времен «холодной войны» Аденауэра, захватить в свои руки политическое,

экономическое и военное руководство над Западной Европой, диктовать ее народам свою волю.

Современные наследники Аденауэра не новички в политике, и недооценивать их хитрость и выносливость нельзя. Они понимают, что в рамках прочной системы европейской безопасности ни о каком реванше или хотя бы полуреванше думать не придется. Они и намерены, со своей стороны, сделать все, чтобы помешать мирному сосуществованию, нормальным деловым отношениям с Советским Союзом и другими социалистическими странами, отношениям, за которые выступает нынешнее бонское правительство, состоящее из социал-демократов и свободных демократов.

К лагерю реакции и здесь принадлежат крупные военно-промышленные фирмы, хотя ряд влиятельных концернов в ФРГ теперь больше заинтересован в торговле с социалистическими странами и потому поддерживает разрядку. На стороне реакционеров стоят также так называемые землячества «изгнанных» — немцев, бежавших после войны с территорий, принадлежавших социалистическим странам, и все еще с обешенной злобой глядящих на Восток; неонацисты, мечтающие о возрождении фашизма; доживающие свой век офицеры бывшего гитлеровского вермахта. К услугам тех же сил могущественный пресс-концерн Шпрингера, издающий 60 процентов всех газет в ФРГ.

С исторической точки зрения современные западногерманские реваншисты — живые трупы. Но это такие трупы, которые не хотят лежать в гробах. Аденауэр во главе правых в ФРГ считал бывший офицером прусского вермахта и бывший министр Франц-Йозеф Штраус — одержимый манией величия политик, готовый на все, чтобы добраться до власти и возродит реваншистский курс.

У западногерманских реакционеров, как и у их единомышленников в США, есть влиятельные союзники среди военных. Вот пример. На состоявшемся в апреле этого года в Брюсселе торжественном собрании в честь 25-летия НАТО выступил бывший председатель военного комитета этого блока генерал Штейнгоф, он же бывший глава военно-воздушных сил ФРГ, а еще раньше — полковник гитлеровских ВВС, «люфтваффе». Штейнгоф в открытую потребовал, чтобы Соединенные Штаты «в случае необходимости» применили стратегическое ядерное оружие. Как видно, реакционеры в ФРГ по-прежнему придерживаются завета их любимого философа Ницше: «Вы говорите, что хорошая цель оправдывает войну, я же говорю вам, что хорошая война оправдывает все остальное». Так твердил и Гитлер.

Похоронит западногерманский реваншизм, загнать его в гроб и прихлопнуть крышку раз и навсегда можно только одной крепкой и устойчивой международной системой европейской и международной безопасности. Последствия Гитлера и Аденауэра это знают. Их вывод: что угодно, только не система безопасности!

Отличается ли политика реакционных кругов в третьей из ведущих капиталистических стран, Англии, от политики таких же сил в США и ФРГ? Да, но опять-таки не в главном.

Английские империалисты старой школы — те, которых раньше называли «твердолобыми», — все еще не могут забыть о временах, когда Англия владела огромной колониальной империей на четырех материках, считала себя хозяйкой морей и могла, как хотела, наусыживать остальные капиталистические державы друг на друга. От всего этого ничего и в помине не осталось. Колонии навсегда потеряны, английский империализм после второй мировой войны зажат в тисках хронического кризиса. Вернуть прошлое «твердолобие» в Англию не могут. История перешагнула через них и их эпоху.

Но тень Пальмерстона и Дизраэли, Чемберлена и Черчилля все еще витает над их современными одряхлевшими наследниками. В кругах лондонских реакционеров считают, что восстановить силы британского империализма можно только с помощью одного средства: «с помощью старой английской политики — «разделай и властвуй». В условиях же мирного сосуществования для такой политики места нет.

Вот почему и английские реакционеры, которые к тому же всегда были завидными пратантами СССР, открыто втайне против разрядки. В Англии есть свои штейнгофы. Один из них, например, бывший командующий военными силами НАТО в Северной Европе генерал Уолтер Уокер. Выступая в июне 1974 года в Лондоне, этот генерал обрушился на идею разрядки, призвал к дальнейшему наращиванию вооружений и даже заявил: «Москва создает в Ольстере (Северной Ирландии. — Э. Г.) базу для удара по Англии!» Людей в Великобритании запугивают с таким же усердием, как в Америке.

В США, ФРГ и Англии правые круги боятся прежде всего улучшения международной обстановки. В таком государстве, как Италия, они еще больше испуганы тем, что происходит в их собственной стране: ростом левых сил, сближением коммунистов, социалистов и прогрессивных католиков. Уже теперь за этими силами стоит немногим меньше половины избирателей. Дальнейшее увеличение числа головорезов левых может изменить всю обстановку в стране. Тем самым затрагиваются внутренние классовые интересы итальянской монополистической буржуазии и ее союзников.

Из сообщений печати и ряда опубликованных документов известно, что реакционные круги в Италии в сговоре с неонацистами, правыми генералами и полицейскими руководителями уже годами готовят военно-фашистский переворот такого же типа, как тот, что произошел в 1973 году в Чили. Террористические акты неонацистских организаций уже стали в этой стране повседневным явлением. Но итальянские реакционеры знают, что захватить власть без помощи извне они не могут: народ сильнее их.

Документы доказывают, что свои главные надежды правые заговорщики в Италии возлагают на НАТО. Тем самым и итальянские реакционеры включаются в группировку сил, действующих против разрядки. Внутренние классовые интересы всех этих кругов неотделимы от внешних.

Мы называем только главные, ведущие силы международной реакции. К ним надо причислить также и крайние правые силы в Испании, Франции, Японии, Чили, Уругвае, Южно-Африканской Республике, Родезии и многих других странах. Все эти группы обычно связаны с фашистами и коллаборационистами, с антисоветскими вожаками и почти как правило — с теми или иными деятелями в штабах НАТО. Всех их объединяет явный антимарксизм, ненависть к национально-освободительным движениям, ненависть к национально-освободительным движениям, на срыв переговоров о безопасности и сокращении вооружений, на возврат к «холодной войне». В самое же последнее время они ставят еще на одну карту, которую считают важным козырем: на маюнаистский Китай.

Действительно, в 60—70-х годах у международной реакции появился новый союзник, такой, какого у нее еще никогда не было за всю ее историю. «Самые левые» смыкаются с самыми правыми.

Известно, что левинское руководство сейчас действует против разрядки международных отношений ввиду, где только может. Маюнаисты выступают против прекращения толки атомных вооружений, против мирного урегулирования на Ближнем Востоке, против создания систем безопасности в Европе и Азии. Ни у коммунистов, ни у остальных социалистов в том, что Пекин поддерживает НАТО, вызывает сомнения. Но в Штраусе, на сессии «Объединенной Западной Европы» с антисоветским острием, водит дружбу с военно-фашистской кликой в Чили, сближается с правыми кругами Англии и ФРГ.

В июне 1974 года Штраус и председатель старейшей партии Аденауэра, Христианско-демократического союза (ХДС), Г. Коль, получили приглашение посетить Пекин. Пытаясь отвлечь внимание общественности от НАТО, выступая как представители отношений между США и Советским Союзом, в Пекин направляет известный «ястреб» сенатор Джексон. Намеки о дружбе между маюнаистами и английскими правыми — сделал в мае этого года лидер правых консерваторов Хит после торжественной встречи с китайскими лидерами в Пекине. Все это мотивы из одной, антисоветской пещи.

У маюнаистов, разумеется, свои причины для сближения с международной реакцией. Помога ей затеять напряженность на мировой арене, предатели дела коммунизма стремятся нанести удар в спину Советскому Союзу и другим социалистическим странам. Тем, что делает ставку на глобальную катастрофу и создание новой мировой империи, Штраусу, на сессии действительно ни к чему. Неудивительно, что все реакционеры в мире считают сегодня первичными руководителями своими лучшими друзьями. Это не предположение, а факт.

Выводы из нашего обзора ясны. Хотя международное положение за последние десятилетия значительно изменилось и мирное сосуществование действительно становится конкретной, практической возможностью, международная реакция продолжает преследовать те же цели, что в годы «холодной войны». Правые в разных странах бьются и остаются врагами мира и международной сотрудничества. Снимать их со счетов нельзя.

Они все еще оказывают немалое влияние на буржуазные партии, на монополистические круги, на армию, на хозяев средств массовой информации. У них по-прежнему связи в штабах НАТО, СЕАТО, СЕНТО. Они и теперь способны на рискованные авантюры ради того, чтобы создать новые очаги напряженности. Именно они руководят крайне опасными отрядами фашиствующих молодчиков, действующими в разных странах.

Не надо, однако, и переоценивать силы международной реакции. Позиции левых и демократических сил сейчас сильнее, чем были еще в 60-х годах. Международная реакция делала и будет делать все, чтобы сорвать разрядку и помешать социальному прогрессу. Но жизнь решительно против нее. История говорит о том, что реакционеры в конечном счете всегда терпели поражения. Многие теперь, как и всегда, зависят от молодого поколения. Прогрессивная молодежь, как и в капиталистическом мире, понимает это и считает одной из главных своих задач борьбу с реакционерами всех видов и мастей.

«...нас окружила чучка проложит. Я обратился к одному из них:

— Что вы думаете по поводу идеи Акао?

Тот пошел лачамяи и коротко бросил:

— Он психопат, наверное. Я опросил десятых. Не нашлось никого, кто разбелял бы владык фашиста. Семь лет назад из десяти трое поддержали Акао».

АЙСБЕРГ НА ВЕСЕННЕЙ ГИНЗЕ

Владимир ЦВЕТОВ

Грузовик, к бортам которого прикреплены белый с красным кругом посредине японский флаг и лозунги: «Отменить мирную статью конституции», «Долой коммунизм!», останавливается в самом людном по воскресеньям месте Токио: в перекрестке центральных улиц Гинзы и Харуми. В выходные дни Гинза до вечера закрыта для движения транспорта, и вся ее ширь отдана людям. Владельцы кафе и ресторанов выдвигают на мостовую столики, хозяева магазинов отряхивают лоточников с мелким товаром и сладостями, и Гинза приобретает ярмарочный вид. И поначалу кажется, что грузовик с флагом и плакатами — балаган бродячих актеров, которые сейчас начнут незатевливое представление. Представление действительно начинается. Однако отнюдь не смешное.

Из кузова грузовика один за другим поворотно спрыгивают на асфальт парни в униформе, очень напоминающей эсэсовскую, плотным кольцом окружают грузовик и застывают лицом к тепле в позе, тоже хорошо знакомой: руки на груди, ноги широко расставлены. Вид эсэсовских мушкетеров на токийской улице столь странен, что трудно отделить от впечатлений, будто происходящих — всего лишь пролог к коморошей сценке. Но это не театр, и парни, одетые под эсэсовцев, не актеры. Это в самом деле фашисты, японские фашисты — члены «Патриотической партии великой Японии».

Из динамиков, установленных на грузовике, гремит марши времен второй мировой войны. Эхо, отражаясь от бетонносерых многоэтажных громад, повторяет надсадный визг флейт, дробь барабанов. Наконец музыка обрывается, и к стойке микрофона, торчащей в кузове грузовика, подходит худой высокий старик с кружочком расстреланных седых волос вокруг блестящей желтой лысины. Я узнаю его: Бин Акао — глава «Патриотической партии великой Японии», или, как он сам себе именует, «японский Гитлер», собственной персоной. Он прикрепляет к борту грузовика карту мира и начинает говорить.

На карте два цвета — красный и зеленый. Красным окрашен Советский Союз, другие социалистические страны, Индия, Бирма, Шри Ланка, Арабский Восток, большая часть Африки, почти вся Латинская Америка, зеленым — Япония, США, Западная Европа, Австралия, Новая Зеландия. Зеленые пятна — на месте Южно-Африканской Республики, Родезии, Израиля, Южной Кореи. Всплухиваясь в слова Акао, и мне становится понятным это несколько странное политическое деление. Все, что красное, — коммунистический мир, в него Акао включил и неперисоединившиеся страны. Все, что зеленое, — мир «свободный».

— Красный цвет грозит стереть с карты цвет зеленый, — говорит Акао. — Коммунизм — наш враг, и если мы его не уничтожим, — голос Акао поднимается до высоких нот — коммунизм уничтожит нас. Коммунизм у порога Японии! — Акао кричит. — Он вот-вот вторгнется в нашу страну! Он уже здесь! — Акао обводит рукой Гинзю. — Коммунизм тут! — Акао выбрасывает руку с вытянутым указательным пальцем в сторону толпы. — Крушите его! Он наш самый страшный враг!

И эта истерическая речь, и плакаты на грузовике, и военные марши из динамика были бы фарсом, дурным спектаклем, если бы «Патриотическая партия великой Японии» организовывала организацией лишь таких вот митингов.

...Издатель самого распространяемого в Японии литературно-политического журнала «Юо корон» Ходзи Симанека задержался в тот вечер в редакции. Это спасло его. В те минуты, когда Симанека просматривал последние номера отправляемого в печать журнала, в доме, где он жил, разыгралась кровавая драма. Юнец в кожаной куртке и темных мотоциклетных очках ворвался в дом, заколол ножом горничную и тяжело ранил жену издателя. Юнец искал хозяина дома. Смертный приговор вынесла ему «Патриотическая партия великой Японии», привести приговор в исполнение пытался ее член — семнадцатилетний Кадзутака Комори. Фашистам не понравилось, что Симанека поместил в своем журнале статью, в которой рассказывалось о конце милитаристского режима в Японии в 1945 году.

Другой убийца-фашист — тоже семнадцатилетний — Отон Ямагучи сумел выполнить приказ Бин Акао. На глазах участников многотысячного предвыборного митинга, на виду у премьер-министра, сидевшего в президиуме, Ямагучи взобрался на сцену и вонзил нож в выступавшего с трибуны председателя социалистической партии Японии Индзиро Асанума.

3 мая в Японии — праздник, День конституции. В конституции есть статья, запрещающая Японии иметь армию и вести войны. Отменить «мируную», как называют японцы, статью мечтают не только фашисты, но и все правые силы Японии. Поэтому ежегодно 3 мая в Токио проводится массовый митинг в защиту основного закона страны. Состоялся он и в нынешнем году.

Мало кто обращал внимание на молодого человека, настойчиво пробивавшегося через толпу к трибуне. Лишь те, кого он грубо отталкивал, недовольно ворчали ему вслед. До трибуны, с которой к участникам митинга обращались руководители демократических партий и организаций, оставалось совсем немного, и парень энергичнее заработал локтями. И вдруг двое полицейских агентов в штатском, новость откуда выросше на пути парня, натренированными движениями ловко заломили ему руки за спину и поволокли к белой с черной полосой полицейской машине. По дороге один из полицейских вытаскил у парня из кармана нож.

На допросе арестованный не записался, будучи солдат войск самообороны (так в Японии называется армия, созданная в обход конституции), он сейчас член «Патриотической партии великой Японии». Отобранным у него ножом собирался убить Токио Нарита, нынешнего председателя социалистической партии. За что Социалисты выступают за миру Японии, живущую со всеми странами по законам добрососедства, а это противоречит идеям Бин Акао.

— Смерть всем «красным!» Смерть врагам японской нации! — несется над Гинзю голос Акао. И это не риторика, это программа действий.

Бин Акао кончает говорить. Поддерживаемый двумя молодыми охранниками, тяжело спускается с трибуны. Я протискиваюсь к Акао и прошу ответить на три вопроса. «Эсэсовцы ошупывают меня настоятельными взглядами, недоверчиво поглядывают на черную кожаную коробку репортёрского магнитофона.

— Каким вам представляется будущее Японии?

Бин Акао с готовностью тянется к микрофону. Его не интересует, кто его будет интервьюировать. Видно, журналисты теперь не балууют фашиста вниманием. «Грузовик Акао в центре Токио — это айбшер, оторвавшийся от ледника «холодной войны» и попавший в теплое течение, именуемое «международной разрядкой», — несколько цветисто, но точно сказал потом мне знакомый обозреватель токийской газеты.

— Нельзя говорить о будущем Японии, пока в ней есть «красные», пока существуют коммунисты и социалисты! — Голос Акао дрожит от злости. — Только уничтожение коммунизма, уничтожение коммунистов и социалистов спасет Японию! — Акао упрямо надрыно кричит, будто еще стоит там, в кузове грузовика. — Главный наш враг — Советский Союз! Мы должны пересмотреть конституцию! Она лишила нас силы и меша-

ет уничтожить коммунизм! Я и моя партия — мы спасем Японию!

Акао делает паузу, и я слышу задать второй вопрос:

— Какой, по вашему мнению, наиболее прямой и легкий путь к миру?

Фашист не медлит с ответом:

— Всеобщее и полное вооружение. Спасение в этом. Сила спасет мир на земле. И в таком вооруженном мире самыми сильными должны быть Америка и Япония. Военные базы — форпосты борьбы за мир — должны окружать Советский Союз. «Красным» удалось свернуть войну во Вьетнаме, но Вьетнамы будут еще! Вьетнам в Европе, Вьетнам в Африке, Вьетнам в Латинской Америке! Вьетнам везде, где есть «красные!» Моя мечта — увидеть в таком Вьетнаме японских солдат.

— Не кажется ли вам, что программа «Патриотической партии великой Японии» ставит те же цели, какие преследовали нацисты в Германии?

— Ничего подобного. Нацисты выступали против всего мира. Мы хотим выступить со всем миром против коммунизма, против Советского Союза.

К грузовику подкатывает полицейская машина. Я вспоминаю выступление мэра Токио Рёкити Минобэ в клубе иностранных корреспондентов, аккредитованных в Японии. Минобэ избран от блока левых сил, возглавлявшегося социалистами и коммунистами. Мэр говорил журналистам о своем намерении пресечь деятельность правых в городе. «Кажется, полиция выполняет указание мэра», — мелькает мысль. Я выключаю магнитофон и прячу микрофон в футляр. Полицейский выходит из машины. Уточно козиряет. Извиняется, что прерывает нашу беседу, и просят... передавить грузовик чуть дальше. Оказывается, подошло время открыть по Гинзю движение, и грузовик будет мешать транспорту.

Это было первая моя встреча с Бин Акао. Первая состоялась летом 1967 года. Сейчас я задаю фашисту те же вопросы, что и семь лет назад. Пролушавшая новую магнитофонную запись и запись семилетней давности, я почти не мог отличить их друг от друга. Высыскивая Акао совпадало слово за слово. За семь лет резко изменился мир, прежними остались Бин Акао и его партия. Метка нарисована японская газета «Майнити дейли юс»: «Много перемен произошло на Гинзю за истекшие годы», а старый Бин Акао по-прежнему тут как тут.

В Японии свыше пятисот нефашистских групп. По сведениям японской печати, в них 120 тысяч членов. При некотором различии корневых оттенков они хотя и одного — возродить в Японии милитаризм, вернуть к власти военизм.

Разумеется, в нынешней Японии — с ее мощным и организованным рабочим классом, с влиятельными оппозиционными прогрессивными партиями — сделать это сложно. Да и правящие круги не стремятся к установлению фашистской диктатуры, пока для господства им довольно парламентских методов. Но настаивают, что в нефашистские группы попадает как-то молодежь. Покушавшемуся в прошлом издателя Симанэка было семидесяти. Семидесятилетним был и юный Асанума. Немного старше тот, кто пытался убить Нарита.

Один из мыслителей прошлого сказал: «По своей природе все люди одинаковы, и только условия делают их разными». В Японии имеются условия, способствующие тому, чтобы некоторая часть молодежи попадала в нефашистские группы. Оставшиеся от феодализма традиционные японские нормы поведения требуют от младших, как по возрасту, так и по положению, сыновнего повиновения старшим. Этот принцип до сих пор остается краеугольным камнем японской морали. И от того, к чему зовут, на что нацеливают «старшие», во многом зависит образ мыслей и поведения «младших». Вот почему, если глава семейства молится на бин Акао, его отпрыски тоже щеголяют в эзэсовской форме. Во всяком случае, у него больше шансов «вылупить» сына-фанатика — по своему образу и подобию, — чем, скажем, у итальянского или английского нефашиста. В этом особенно «коричневой чумы» на японский лад.

Западноевропейский ученый, познакомившись с японскими высшими учебными заведениями, так отозвался о системе преподавания в них: «Способности величайший спор — обучение и без того слаб — воспитывается в школе, подчас окончательно гибнет. Считается признаком особой образованности лишь в каком случае не высказывать собственного мнения. Критика воспринимается как что-то неуместное. Заучивание материала нанизывается на кажется глупым, — продолжал ученый. — Напротив, студентам внушают, что в процессе заучивания они проникают в глубь предмета. Студенты — «младшие» — не смеют подвергать сомнению написанное в учебнике или сказанное на лекции преподавателями — «старшими».

А среди преподавателей, чьи концепции японские студенты обязаны брать на веру и заучивать наизусть, встречаются откровенные фашисты. Некоторые время назад токийский суд вынес обвинительное заключение по делу нефашистской группы, планировавшей государственный переворот, чтобы «спасти» (как заявил один из преступников) нацию от заговора левых». В числе обвиняемых были два университетских преподавателя.

Осужденный токийским судом на 18 месяцев тюрьмы Эйго Синода в своих лекциях не призвал, подобно бин Акао, резать «красных» и уничтожить Советский Союз. Он подбирал, так сказать, теоретическую базу под акты фашистского террора и антисоветизма. Святость «императорского пути» и незыблемость «японского духа» Синода проповедовал с университетской кафедры так: «Императорский путь — это война, а война — подъем и воплощение японского духа!»

Попытку совершить государственный переворот предпринял и писатель-фашист Юкио Мисима. Когда он сделал себе харекири после провала попытки переворота, руководитель японских войск самообороны сказал: «Трагическая гибель Мисимы станет вехой в эволюции духовной жизни Японии».

В какую же сторону хотел направить Мисима эволюцию «духовной жизни» Японии? Одна из песен, написанных Мисимой, озаглавлена «Мой друг Гитлер». В этом названии — credo Мисимы. Мисима выразил его не только в песне. Десятки романов, повестей, рассказов содержат его фашистские идеи. Они изданы миллионными тиражами. Их читает молодежь, для которой Мисима «старший».

Рабочий день в крупнейшем в Японии и четвертом в мире по производству радио- и электрооборудования концерне «Маусуи дэнки» начинается с того, что рабочие, выстроившись в цепях, хором поют гимн концерну и декламируют «заповеди», сочиненные его хозяином. «Повиноваться и быть скромным», — гласит одна из «заповедей». В журнале, издающемся для обязательного чтения рабочими концерна, я прочел: «Нынешнее поколение в значительной степени утратило представление об истинных моральных ценностях, которые так почитались до войны и оказались сокрушены полным поражением». Японцы стали всепоглощающей любовью к императору, безоговорочной преданности ему. Тот, кто снова не воспитан в себе уважения к этим моральным ценностям, не может называться истинным японцем». Хозяева не надеются, что рабочие добро-

вольно займутся самовоспитанием в нужном концерну духе. Они материально поощряют такое самовоспитание.

— Работники, которые следуют принятым в концерне моральным нормам, гораздо быстрее двигаются вверх по служебной лестнице и, соответственно, по тарифной сетке, — сказал мне в интервью президент концерна Масатару Маусита.

Статья 20-я японской конституции гласит: «Ни одна из религиозных организаций не должна получать от государства никаких привилегий и не может пользоваться политической властью».

В мае нынешнего года правящие в Японии либерально-демократическая партия нарушила эту статью. Пользуясь большинством в парламенте, она утвердила закон, по которому храм Ясукуни стал «государственным», то есть существующим на государственных средствах. Этой антиконституционной привилегии удостоился храм — хранитель милитаристских традиций. В стане нефашистов ликование не было предела.

Весной 1945 года перед своим последним вылетом один из камикадзе написал своей четырехмесячной дочери: «Когда ты станешь большой, ты пойдешь в храм Ясукуни, и твоё сердце поможет тебе увидеть меня...» В храме находятся символические могилы всех японских солдат, погибших во время войн, развязанных Японией.

Утро. К высоким воротам храма, сложенным из многометровых толстых бревен, один за другим подкатывают автобусы. Из них высыпает парадно одетые юноши и девушки. Их выстраивают перед алтарем здания храма, и они застывают в благоговейном молчании. Так происходит принятое во многих японских компаниях «посвящение в рабочие».

Затем юношей и девушек ведут по территории храма. Надолго задерживают перед усыпальницей, где, сообщают им, обитает душа духа с половинной миллионы солдат, погибших в сражениях начиная с японско-китайской войны 1894—1895 годов вплоть до битвы за Окинаву в 1945-м. Подводят к памятнику Масудзиро Омуре — создателю японской регулярной армии. Торжественно звучит голос старого священника, выполняющего роль гида и рассказывающего о больших и малых войнах, предпринятых Японией. А «старшего» следует слушать со вниманием, запоминая его слова...

Зачем приводит в Ясукуни только что принятых на работу молодых токарей и бухгалтеров, шоферов и строителей? Чтобы исподволь начать воспитывать в них уважение к «моральным ценностям», скомпрометированным, как верно заметил журнал концерна «Маусита дэнки», поражением Японии во второй мировой войне. Хочет того конкретный японский предприниматель или нет, но тем самым в сознании рабочей молодежи он объективно готовит почву, на которой может произрасти семя фашизма, если бин Акао и ему подобные посеют это семя.

Пока я говорил на весенней, по-воскресному оживленной Гинзе с бин Акао, нас окружила кучка прохожих. Я обратился к одному из них:

— Что вы думаете по поводу идей Акао?

Тот плечами и коротко бросил:

— Он лжеслово, наверно.

Я опросил десятых. Не нашлось никого, кто разделял бы взгляды фашиста. Семь лет назад из десяти трое поддержали Акао...

Время «холодной войны» уходит, а вместе с ним уходит и время бин Акао. Он отчаянно пытается задержать его, но безуспешно. Антисоветизм в Японии ныне не в моде. Политика мирного сосуществования, настойчиво и последовательно проводимая Советским Союзом, находит отклик в этой стране. Тот же Масатару Маусита, в душе явно тоскующий по старой, императорской Японии, признает, что взаимовыгодное сотрудничество с СССР отвечает коренным интересам его страны.

— Само существование Японии зависит от торговли, от экономических связей со всеми странами независимо от их социальной системы, — говорил он мне. — Следуя общей для японского делового мира тенденции, я намерен установить тесные контакты с Советским Союзом.

Развитие и углубление советско-японских отношений с энтузиазмом встречают японские трудящиеся. Заместитель председателя Генерального совета японских профсоюзов, объединяющего 4,5 миллиона рабочих, Такэси Тамура сказал в беседе со мной:

— В Японии, да и кое-где за границей есть недоброжелатели советско-японского сотрудничества. Но японские рабочие от всего сердца хотят, чтобы такое сотрудничество крепло — на пользу миру, на пользу советскому и японскому народам.

Айсберг приверженца «холодной войны» выплыл весенним днем на Гинзу. Надо думать, его ожидает судьба любой льдины, оказавшейся под лучами солнца.

«Это не маскарад, не карнавал. Они действительно «идут». Туманными ночами они высыпают на луг — учатся ходить в атаку. «Капитан» выдирает из земли кол, переворачивает его в воздухе и внезапно останавливается со скинутым колом, как будто намерен проткнуть штыком противника. Это происходит каждую пятницу с восьми вечера в нюрнбергском поместье Альмосхоф».

«ХАЙЛЬ, ГОФФМАН!»

Герхард ТОМКОВИЦ,
Ульрих ПРАМАН,
западногерманские журналисты

В Нюрнберге живет человек, который мечтает о могуществе и захвате власти. Проповедник «коричневой идеологии» стремится привести в порядок мир сегодняшнего дня лозунгами для позавчерашнего. Он уже собрал своих «бойцов первого часа» — вооруженную кучку людей с реакционными взглядами, вымуштрованных в духе вермахта великой Германии.

В нетопленной угловой комнате идиллического замка Альмосхоф в Нюрнберге молча стоят навыворот одетые в патентованную полевую форму двадцать три парня и девушки. Стальные каски накинута на глаза. Распахивается дверь. В комнату, печатая шаг, входит тот, кого они называют «капитаном». Он тоже одет в полевую форму. «Вольно!» — командует «капитан». Сорок шесть сапог грохочут о каменный пол. Снаружи, как на параде, выставлены карабины системы «98К» времен второй мировой войны. «Чего мы хотим?» — спрашивает «капитан». И двадцать три глотки в один голос: «Победы нашего движения!» — «Кто наш враг?» — «Большевики!» — раздается в ответ. «Ил-гит, ура!» По команде «пять!» группа затягивает «Молодой народ готов к штурму, вздымайте выше знамя». Перед нами проходит в марше под разорванными в бою знаменами мертвые герои молодой нации, а над нами — героические предки. Германия, отсюда, мы уже идем.

Это не маскарад, не карнавал. Они действительно «идут». Туманными ночами они высыпают на луг — учатся ходить в атаку. «Капитан» выдирает из земли кол, переворачивает его в воздухе и внезапно останавливается со скинутым колом, как будто намерен проткнуть штыком противника. Это происходит каждую пятницу с восьми вечера в нюрнбергском поместье Альмосхоф.

«Движение», как называет его Гоффман, берет начало в Нюрнберге, том городе, где проходили нацистские партийные съезды. Возглавляет его 36-летний живописец, изготовляющий вывески, Карл-Гайц Гоффман. Он владеет целым арсеналом пистолетов и винтовок: нюрнбергская полиция добровольно выдала ему разрешение на «коллекционирование» оружия. В его распоряжении четыре верховые лошади, пума по кличке Джанго и «подружка», которая ведет хозяйство в бывшем зе-

городном замке. Древнее строение, возведенное в 1692 году, городские власти Нюрнберга сдали Гоффману в аренду на двадцать пять лет в 1970 году.

Карл-Гайц Гоффман, которого его приверженцы величают «руководством», сидит у камня на первом этаже и проповедует свою туманную философию. Он нервно жмет пальцами конфетную обертку и шепчет вешает:

— Вещь этот безбрежный парламентаризм должен исчезнуть. В организационном объединении единомышленников, проникшихся действительными идеалами людей, мы видим единственную возможность показать в сплоченном союзе прогрессивные и определенно непривычные представления о целях народных масс и, наконец, активно выступить за эти цели. Опыт показал, что партиям всех оттенков больше не осталось времени для решения насущных проблем. Видите ли, это возможно лишь тогда, когда у власти стоят специалисты.

Все это тезисы фашистских движений. По суждению Гоффмана, образом может служить германский вермахт.

— Там поначалу все солдаты. Лучшие становятся ефрейторами, еще лучшие — унтер-офицерами, самые лучшие — генералами.

Эти представления об успехе профессионалов, не нашедшие своего воплощения даже в вермахте, Гоффман намерен перенести на государство:

— Конечно, мы долгое время должны будем проверять людей и отбирать только лучших, которые затем войдут в правительство. Они будут оставаться безымянными.

Остальные будут распределены по деревням и земельным округам в качестве бургомистров и ландратов.

Как это сделать практически, он и сам не знает. Но одно для него ясно: «за это надо бороться!»

Вояка Гоффман «борется» и с эхом. Он расположился один в большом зале замка Альмосхоф и записал на пленку речи, обращенные к несуществующим массам. Отсутствуют только фанфары, а остальное все на месте, особенно такие словечки, как «жизненное пространство», «массы», «большевики», «движение», «борьба и победа». Дикция и даже интонация напоминают одного бывшего ефрейтора: гитлеровского министра пропаганды Йозефа Геббельса.

— Мы, — говорит Гоффман, — вынуждены начинать с малого.

Правда, он не склонен раскрывать число своих приверженцев, но у него есть на кого сослаться: Иисус, Гитлер, Магомед. «Они тоже начинали с малого». Между тем он не стоит на месте со своим «движением»:

— Первая фаза позади, мы уже вступили во вторую.

Нулевой фазой был 1953 год. Тогда Гоффман объявился в Нюрнберге с одним легким чемоданом и с профессией художника-графика. По его словам, он происходит из аристократической семьи.

Может быть, «капитана» надо величать «фон Гоффманн»?

— Нет, говорит он, — но моя мать происходит из аристократической семьи.

Разумеется, мать Мария Гоффман по запискам в нюрнбергском адресном столе не числится дворянкой: ее девичья фамилия — Леман. И бабушка «капитана» по материнской линии носит простую фамилию — Дорр.

От матери «капитан» унаследовал не дворянскую кровь, а пивную «бурую кошку», что на Йеррштрассе в Нюрнберге. В то время «движения» у него не было, но уже было оружие. В 1956 году полиция при обыске конфисковала у двадцатидвухлетнего Гоффмана различные стрелковое оружие. Тогда он отделился от предпринимателя. Но он не бросил коллекционировать оружие. 13 июля 1963 года нюрнбержцы увидели фото

владельца «Бурого коня» во всех местных газетах. Он был задержан в Турции за контрабандный вывоз оружия.

Гоффман не только занимался контрабандным ввозом оружия и не только владел пивной. Строительный бум подарил графику-профессионалу расширяющийся «гешфт» — малевание вывесок для строительных площадок. Подобная «живопись» действительно стала доходной, когда к частным заказчикам прибавились общественные, например мюнхенская строительная фирма «Олимпия». Вскоре ему не надо было самому браться за кисть. Он нанял десятых турков, благодаря чему его «движение» стало претендовать на «интернациональный» характер.

В кафе «Гролла», где собирается так называемое нюрнбергское общество, Гоффмана считали завсегдадаем еще до 1958 года, когда им овладела идея германского прошлого. Беспрепятно художник думал о тех временах, которых он не испытал. Как-то раз он пригласил на торжество своих многочисленных друзей и среди них торговца порнографическими открытками и брошюрами Вальтера Беккера. В газете «Нюрнбергер цайтунг» это торжество описывалось так:

«У входа стояли солдаты с винтовками на плечах... Каждому посетителю на тыльной стороне ладони ставился голубой штемпель».

Они пришли в военной и в бывшей форме СС, в сапогах, стальных касках и противогазах. «Нюрнбергер цайтунг» писала дальше: «Девушки пришли в форме Союза немецких девушек — с галстуком и свастикой».

Так называемое торжество достигло кульминационного пункта, когда Гоффман предложил послушать одну из своих магнитофонных записей: свист пули, стрекот пулеметов, разрывы зенитных снарядов. Полиция установила имена 24 человек, которые разгуливали со свастикой по улице и горлавили песни.

Спустя пять лет Гоффман вновь напомнил о себе. 6 июля 1963 года в 3 часа утра «капитан» выстроил на нюрнбергском главном рынке часть «берлинской стены» из картона. Это должно было явиться провозвестником того, что он называет «движением сплочения».

В замок Альмоксхоф собрались, по словам Гоффмана, «бойцы первого часа». Им «капитан» открыл свои национальные перспективы. Австрию «возвратить в рейх». То же должно случиться с «отторгнутыми восточными областями», но сначала, естественно, воссоединение с «зоной». Он хотел бы также спасти свой немецкий народ от всякого чужеземного господства и от классовой борьбы.

Человек типа Гоффмана очень подходит для «Стального шлема» — действующей в ФРГ организации бывших военнослужащих. Хотя «капитан» никогда не служил в армии, он и кучка его людей присоединились к организации «Стальной шлем» в Северной Баварии под руководством 65-летнего гауфюрера Тойте.

Но Гоффману этого мало. Он еще и поэт. Он выпустил за свой счет книгу «Стихи и мысли немецкого патриота». Некоторые «мысли» совсем короткие: «Важнее всего быть организованным и постоянно готовым».

Вероятно, придется иметь дело с рукопашной, потому что Гоффман на этом и построил обучение своего молодежного отряда. Тот, кто зарекомендовал себя, может носить вместо матерчатого кепи стальную каску. Один из этого отряда пошел еще дальше: он наклеил черные усики, чтобы походить на фюрера.

Таковы они, Гоффман и его кучка, «организованная, постоянно готовая», в Альмоксхофе — «Жемчужине чесночной страны», как писала газета «Нюрнбергер нахрихтен». Политический отдел нюрнбергской уголовной полиции зачисляет «капитана» в «безобидные». Нюрнбергское ведомство по делам молодежи ничего не знает о его воинственных маневрах с юношами и девушками на учебных плащах и на лоне природы. Куратор Артур Хейль сказал: «Мы вообще очень внимательно следим за молодежью, но это для нас абсолютная новость». Городской почетный памятник Хорн испытывает даже чувство благодарности, потому что господин Гоффман спас замок от упадка».

Подумаешь, замок, Гоффман и его люди хотят «спасти», в конце концов, всю Германию!

«Многие иностранные журналисты, побывавшие в Белфасте, не могли отделиться от впечатления, что положение так контролируют банды ультра, а солдаты английской армии, в функции которых входит «поддержание законности и порядка в Ольстере», выступают в роли сторонних наблюдателей».

ОРАНЖЕВЫЕ ТУЧИ НАД ОЛЬСТЕРОМ

Юрий УСТИМЕНКО

— Алло, Белфаст.
— У телефона Мадж Дэвидсон.
— Привет, Мадж! Звоню из редакции журнала «Ровесник». Готовится материал как раз по твоей части.

Мы с Мадж давние друзья — когда я работал корреспондентом ТАСС в Ирландии, часто встречал ее в Дублине и Белфасте. Мадж Дэвидсон — генеральный секретарь Молодежного движения «Кони», ирландского комсомола, и член руководства Ассоциации в защиту гражданских прав Северной Ирландии.

— Ты получил мое последнее письмо?
— Да, и газеты тоже. Огромное спасибо.

— Ну как тебе понравились писания наших оранжистов из «Комбат» и «Ольстерского рабочего»?

— Вот об этом и пойдет речь. Что нового?

— Ты и сам знаешь, что обычно нового в июле: все старое — парады оранжистов. На улице страшно нос высунуть. Если примут за католичку, могут просто побить, а то и пулю пустить.

Мадж рассказала, что произошло накануне нашего разговора. Мотоциклист, чуть сорвав газ, вывернул какой-то пакет в дверь кафе и уехал. Видевшие это прохожие знали, что сейчас произойдет «бомба!» — раздался отчаянный крик. Врываясь внутрь, вышиб стекла в окнах соседних домов. Чудом никто не был убит, но около 70 человек получили ранения. В тот же вечер прогремели взрывы в других католических гетто Белфаста, в Дерри, Лургане, многих городах и поселках Северной Ирландии. Это случилось 11 июля, накануне ежегодного парада так называемого Оранжистского ордена.

С наступлением темноты во многих дворах протестантских кварталов запылали костры. Подымавшие парни во всю глотку орли воинственные песни — грозили «скорой расправой проклятым католикам». Наутро по улицам под неумолчный грохот барабанов, переливы флейт и аккордеонов прошли, повсюду печатали шаг, колонны. На плечах марширующие были набошены оранжевые шарфы, знак принадлежности к Оранжистскому ордену, в руках — цветастые хоругвы оранжистских ачоек — лож, и полосатые английские флаги.

Июль и август — пора традиционных маршей Оранжистского ордена. Эта организация, названная в честь «защитника протестантской веры» короля Вильгельма III Оранского, возникла в конце XVIII столетия, когда ирландские патриоты готовили восстание против английского колониального владения. Оранжистский орден, созданный формально как тайное общество «защиты протестантской религии», фактически стал координационным центром реакции, ставшейся расколотой освободительное движение. Оранжисты пустили в ход миф о «католической угрозе» и стали устраивать погромы в католических гетто.

Когда в 1921 году на ирландской земле возникло первое независимое государство, оранжистское движение, требовавшее сохранить связи с британской короной, было использовано Лондоном как удобный предлог для раскола Ирландии. Шесть северо-восточных графств исторической провинции Ольстер остались под властью Англии, войдя в состав Соединенного королевства Великобритания и Северной Ирландии. В Белфа-

сте утвердилось правительство юнионистской партии (от английского слова «юнион» — «союз»), выступавшей за «вечный союз Ольстера с Британией». За ее спиной стоял Оранжистский орден, и невозможно было сделать политическую карьеру либо преуспеть в бизнесе, не будучи членом ордена или не заручившись его поддержкой.

За более чем полвека безраздельного хозяйничанья в Северной Ирландии Оранжистский орден создал разветвленную сеть своих лож (местных отделений) в сельской местности и на промышленных предприятиях. Используя связи с властями и предпринимателями, орден устраивал своих сторонников на работу, обеспечивая им жилье и продвижение по службе, оказывал финансовую помощь безработным и многодетным, строил клубы и пивные, куда допускались только протестанты.

На собраниях лож, в клубах и пивных, в газетах и на митингах рабочим и фермерам-протестантам сбивали в голову, будто разрыв связей с британской короной неминуемо приведет к потере рынков, массовой безработице, обнищанию протестантского населения Ольстера. Воссоединение Ирландии оранжистская пропаганда выставляла как угрозу самому существованию протестантской общины в Ольстере. Немало рабочих-протестантов попало на эту удочку.

Натравливая протестантов против католиков, оранжисты внушали, особенно молодым рабочим, веру в «протестанское превосходство». Отсюда был всего один шаг до оправдания дискриминации и угнетения католического меньшинства, составляющего более одной трети полутора миллионного населения Северной Ирландии. В то время как безработица среди протестантов колеблется в пределах 2 — 3 процентов, в католических районах она достигает 50 процентов. На крупнейшем промышленном предприятии Белфаста, судостроительной компании «Харланд энд Вулф», из 10 тысяч рабочих лишь 400 — католики.

Протестант имел возможность получить работу и жилье главным образом потому, что его сверстник-католик был вынужден ютиться в гетто и пребывать на пособие по безработице либо эмигрировать. Десятки тысяч католиков были лишены права на участие в выборах в стоirmont (местный парламент). Механизация с границами избирательных округов обеспечивала юнионистам контроль над местными органами власти, даже когда большинство избирателей голосовало против юнионистских кандидатов. «Политический трущобы» назвала Северную Ирландию лондонская печать.

Вину за все социальные и экономические невзгоды ионинисты валют на католиков, не стесняя себя при этом выбором выражений. Белфастская газета «Протестант телеграф» так объясняет острый жилищный кризис и высокую безработицу в Ольстере, в 3—4 раза превышающую средние показатели в остальных частях Соединенного королевства: «Во всем виноваты паписты (католики), которые разножаются как кролики». А глава Оранжистского ордена Мартин Смит пишет в книге «Битва за Северную Ирландию»: «Многие протестанты не доверяют католикам, не желают принимать их на работу, жить по соседству или работать вместе с ними».

Подобная демагогия ничем, по существу, не отличается от разглагольствования нацистов и расистов всех мастей. Не случайно американская пресса окрестила католиков Ольстера «белыми неграмми». Только зловещий балаган кукульсклановца протестантскому ультра заменяют темные очки, черная маска и полувоенная форма, а вместо пылающего креста он выставляет хоругвь с оранжистскими лозунгами. На севере Ирландии в католиков стреляют из-за угла, из автомашин, несущихся по улицам с бешеной скоростью, открывают огонь из автоматов по группам рабочих на строительных площадках, бросают бомбы в переполненные кафе.

Так что же происходит в Ольстере — религиозная война? Именно так рисуют дело ионинисты. Но суть непрекращающейся «смуты» надо искать за пределами религиозных противоречий. В самом деле, кто в Северной Ирландии — крупные землевладельцы, торговцы, банкиры и предприниматели, адвокаты и врачи, высокооплачиваемая рабочая верхушка? Сплоты и рядом протестанты. А «разнорабочие»? В основном католики. Зажиточная прослойка в католической общине весьма незначительна. Протестанты в своей массе поддерживают ионинистов, стоящих за незыблемость связей Ольстера с Англией и сохранение статус-кво, католики же требуют широких реформ, и среди них популярна идея воссоединения Ирландии. В последние годы понятия «оранжисты» и «ионинисты» все чаще подменяются более широким понятием «лоялисты», то есть ярый противник развития контактов с Ирландской республикой и сторонник сохранения нынешних конституционных связей с британской короной.

Опираясь лозунгами почти трехсотлетней давности, Оранжистский орден не смог бы продержаться до наших дней, но он необходим политическим деятелям Лондона и Белфаста.

Оранжистская пропаганда, проповедующая религиозную ненависть, пришла очень кстати английской политике «разделяй и властвуй». «Само существование Оранжистского ордена, — писал лондонский еженедельник «Экономист», — увековечивает антагонизм между двумя религиозными общинами». Провокационные парады и другие формы деятельности ордена используются для разжигания религиозной розни, что облегчает английским властям управление этой беспокорной колонией.

Один из самых видных орчулов оранжизма — Ян Пейсли, основатель свободной пресвитерианской церкви, хваленый знаток библии и неумный демагог, владелец и редактор «Протестант телеграф», лидер демократической ионинистской партии. В поисках прихожан (и соответственно дохода) Пейсли исколесил всю Северную Ирландию. Нанес он визит и в США, где между делом обзавелся сомнительными богословскими дипломами в сектантских колледжах штатов Иллинойс и Колорадо. Степень доктора богословских наук он получил (злые языки утверждают, что «сам себе присвоил») в университете Боба Джонса в штате Южная Каролина, где набобность идет в ногу с расизмом и кукульсклановщицей с полуслова поклонившись.

В союзе с Пейсли — политическое движение «Вэнгард», возникшее в начале 1972 года при поддержке кулачей, торговцев, опасавшихся новых веяний, и части рабочих, сбитых с толку оранжистской пропагандой. Лидер «Вэнгарда» Уильям Крейг, в прошлом министр внутренних дел Северной Ирландии, руководивший кровавыми расправами с борцами за гражданские права в августе 1969 года, провозглашает решимость «бомбами и пулями» добиваться удовлетворения требований оранжистов. «Я и многие другие, — говорит он, — готовы начать настоящую войну, если проблемы Ольстера не будут решены так, как хотим мы».

Вместе с ионинистской партией Гарри Уэста «Вэнгард» и демократическая ионинистская партия образуют «Объединенный совет лоялистов Ольстера». За спиной лоялистов стоят твердолобые ольстерские торы и крупные землевладельцы, опасющиеся утратить влияние и доходы, хозяева промышленных предприятий в традиционных отраслях экономики Северной Ирландии, которым грозит банкротство под натиском монополистического капитала.

«Объединенный совет лоялистов Ольстера» отрицает всякую возможность изменений в положении католического меньшинства и требует аннулировать даже те полумеры, на которые Лондон был вынужден пойти в последние годы. Лоялистам чужды и непонятны уловки английского правительства, которое к весне 1972 года твердо усвоило, что на одной политике кнута далеко не уедешь, и предприняло попытку анести раскол движения за гражданские права, посулив католикам прямик реформы. Широковетельный обещания Лондона покончить с дискриминацией и урвануть католиков в правах с протестантскими вызвали ярость у оранжистов.

В конце прошлого года в Белфасте было объявлено об учреждении «Совета рабочих Ольстера», куда вошли профсоюзные ловчаки и представители рабочей аристократии, тесно связанные с Оранжистским орденом. Показательно, что редакция «Ольстерского рабочего», печатного органа «совета», расположилась в здании штаб-квартиры Национального фронта — нео-нацистской партии Великобритания, открывшей свой филиал в Белфасте летом этого года. Первый же номер газеты был почти целиком посвящен грубым и безграмотным выпадам против коммунизма и компартии. О проблемах рабочих «Ольстерский рабочий» и не заикается.

3 мая «Совет рабочих Ольстера» предпринял свою наущемую акцию — провозгласил «всеобщую забастовку», требующую ликвидации местного правительства и правительства, в которых предусматривалось разделение власти между представителями двух религиозных общин Северной Ирландии. Призыв к забастовке не встретил широкого отклика, и тогда в дело были введены вооруженные банды «Ассоциации обороны Ольстера» и «Сил добровольцев лоялистов», находящихся под контролем «Объединенного совета лоялистов».

Угрозами и силой оружия экстремисты принуждали рабочих покидать фабрики и заводы. Улицы, шоссе и проселочные дороги во многих местах были перегорожены автомобилями, связанными деревьями и грудами камней. У баррикад встали люди в полувоенной форме с дубинками и кастетами. У некоторых из-под полы торчали приклады обрезов. Они устанавливали машины и прокожики, придирчиво расспрашивали, кто, куда и зачем направляется. Одних пропускали, других заворачивали обратно, а кого и уводили под охрану. Правом свободного передвижения пользовались только жители протестантских кварталов, получившие специальные пропуска. На две с лишним недели экономическая жизнь Северной Ирландии была полностью парализована.

«Забастовка» обрадовала прежде всего... владельцев заводов и фабрик, судоверфей и торговых предприятий, банков и страховых компаний, крупных помещиков. Парадокс? Только на первый взгляд. Хозяева североирландской экономики увидели возможность углубить раскол в трудовом народе по религиозному признаку. Пока удается натравливать протестантов на католиков, можно игнорировать профсоюзы, уловлять «бунтарей» и недовольных, удерживать зарплату на низком уровне, «выдавать» сверхприбыли.

Ведь религиозная вражда уводит рабочих от борьбы за свои права и интересы. Конечно, предприниматели понесли убытки от «всеобщей забастовки». Но что такое мизерные убытки по сравнению с многомиллионными прибылями, которые накапливают монополи на существующих в Северной Ирландии порядках?

В выигрыше оказались и политические деятели Лондона. Под шум провокаций, устраиваемых лоялистами, преодолены забвению серьезнейшие проблемы Ольстера. Сохраняется чрезвычайное законодательство, лишующее население Северной Ирландии гражданских прав и демократических свобод; сотни политических узников томятся в бессрочном заключении без суда и следствия, без предъявления им каких бы то ни было обвинений; католические гетто живут в условиях оккупационного режима, установленного английской армией, люди каждую ночь с тревогой ждут грохота прикладов в дверь, обысков, во время которых взламывают половицы, роются в книгах и письмах. Мне приходилось встречать в Белфасте семьи, которые на первый год ложатся спать на полу — опасаются шальной пули, а в Дерри я разговаривал с безработными... третье поколение.

Все эти проблемы остаются без решения. А когда представители католического меньшинства настаивают на скорейшем проведении коренных реформ, у Лондона есть готовая отговорка: а как быть с «Ассоциацией обороны Ольстера» и ей подобными организациями? О каких преобразованиях может идти речь, если, видите ли, упираются протестанты! Грубое насилие ультра позволяет Англии уходить от ответа на многие острые вопросы, бесконечно затягивает решение неотложных проблем Северной Ирландии.

Неудивительно, что протестантские экстремисты пользуются практически полной безнаказанностью. Они беспрепятственно вводят баррикады — свободно разгуливают с оружием, расправляются с непокорными рабочими на территориях заводов и фабрик. Многие иностранные журналисты, побывавшие в Белфасте, не могли отделаться от впечатления, что положение там контролируют банды ультра, а солдаты английской армии, а функции которых входят «поддержание законности и порядка в Ольстере», выступают в роли сторонних наблюдателей. Так, за время «всеобщей забастовки» они вмешались в события только один раз. И на чьей же стороне? Резиновыми пулями — «летающими дубинками» — они обстреляли группу рабочих, которые пытались пройти на предприятия Дерри сквозь баррикады, сооруженные экстремистами!

Впрочем, удивляться не стоит. Протестантский экстремизм порожден ирландской политикой Лондона, в основу которой положено разжигание розни между двумя религиозными общинами. Цель понятна — воспрепятствовать объединению протестантов и католиков в их борьбе против колониальных порядков. Понятия и средства — Англия неизменно шла на уступки, когда на них настаивали лоялисты, и отвечала отказом на законные требования угнетенного католического меньшинства.

Организации фашистского толка не могли бы существовать в Северной Ирландии, если бы не потворство протестантскому экстремизму со стороны Лондона. Эту истину, проплетанную черным по белому, можно прочитать даже в английских газетах. Только ее обычно недоговаривают. А соль в том, что правый экстремизм был и остается стражем интересов английских и межнациональных монополий, хозяйничающих на ирландской земле.

Вот почему Лондон полностью удовлетворял требования организаторов «всеобщей забастовки» в Ольстере и вступил в переговоры с «Объединенным советом лоялистов».

— Аппетиты у оранжистов растут, — говорит Мадж Дэвидсон. — Один их лидер, Джон Тейлор, недавно на митинге призвал к созданию «третьей силы». Он требует возрождения «специальных сил Б», тех самых чернуборозничиков, которые в августе 1969 года врывались в католические гетто Белфаста и Дерри с дубинками и автоматами. Лондону пришлось отказаться от их услуг — весь мир увидел, что это звери, а не люди. А теперь все сначала. Лондон явно пытается восстановить фашистскую юнионистскую диктатуру.

Такой курс в прошлом вызывал лишь рост напряженности, и сейчас он завел Северную Ирландию в очередной политический тупик.

«Впервые был схвачен участником так называемого «летнего лагеря» неонацистских банд. О том, что такие лагеря существуют, было известно уже два-три года. Молодчиков в полувоенной форме видели на отрогах Этны, в горах Пьемонта, в лесах близ города Асколи-Пичено, на берегу озера Гарда и в десятках других мест. Были и фотографии, запечатлевшие учебные стрельбы, ползание по-пластунски».

ЧЕРНАЯ ПАУТИНА

В. АРДАТОВСКИЙ, соб. корр. «Известий», специально для «Ровенки»

Мне только раз привелось побывать в старинном городе Брешиа. Итальянская Брешиа вроде нашей Тулы: столица оружейников. Начинали там когда-то с пиццалей и аркебуз, а сейчас делают все, что угодно, вплоть до автоматических систем для танков и самолетов. Говорят, вековая привычка хранить профессиональные секреты сделала брешанцев замкнутыми и неразговорчивыми. Я этого не заметил. Правда, город чуть-чуть отличается от своих собратьев — здесь меньше переселенцев из Южной Италии, выше заработки, по стоимости продукции на душу населения Брешиа идет сразу же после Милана и Турина.

Рабочие Брешиа ведут не менее трудную и упорную борьбу за свои социальные права, чем в других промышленных городах. По традиции они собираются на митинги и демонстрации на площади Лоджии. С трех сторон ее окаймляют ряды зданий с крытыми галереями — портиками. Там ораторов слышно в любом углу...

Антифашистский митинг 28 мая только-только начался, когда в гуле толпы прогремел сильнейший взрыв. Не будь подробно останаивавшаяся на преступлении в Брешиа, о нем достаточно много писали газеты. Пока неизвестно, кто подбросил устройство с часовым механизмом в мусорную корзину под портики. Но ясно одно: убийц надо искать среди сотни давно известных неонацистских террористов.

Возмущение, охватившее страну после трагедии в Брешиа, заставило власти заняться, наконец-то всерьез, «черным заговором», о котором впервые стало известно еще в 1969 году. Последующие события только подтвердили неотложность борьбы с неонацизмом.

Всего несколько дней спустя после взрыва на площади Лоджии внимание печати переключилось на событие в Аbruццких горах, совсем рядом со столицей. Рим в этом смысле особенно привлекателен: в двадцат минут езды на автомашине — море, в полутора часах — безлюдные горы с травянистыми плато и труднопроходимым из-за кочующих зарослей лесом. Карабинеры обнаружили с вертолета на одной из полян замаскированную палатку. На зоре началась облава. Из палатки выскочил человек с револьвером в руках. Старшина Антонио Филиппи не стал раздумывать и выстрелил в него пять пуль. Потом подошел и для верности выстрелил еще раз. Еще две «туркисто» поспешили к месту — Александро д'Интинго, 21 года, и Александро Даниелетти, 20 лет. В палатке были найдены автоматы, винтовка с оптическим прицелом. Поблизости, под грудой сухих листьев, полцентнера взрывчатки.

Впервые был схвачен участник так называемого «летнего лагеря» неонацистских банд. О том, что такие лагеря существуют, было известно уже два-три года. Молодчиков в полувоенной форме видели на отрогах Этны, в горах Пьемонта, в лесах близ города Асколи-Пичено, на берегу озера Гарда

и в десятках других мест. Были и фотографии, запечатлевшие учебные стрельбы, ползание по-пластунски. Но органы охраны порядка предпочитали закрывать на это глаза. А если полиция и приходилось сталкиваться с почти открытым хранением оружия, то виновные отделывались штрафом или условным приговором. Теперь же в газетах появились зловещие цифры: с января 1972 по март 1974 года в Италии было конфисковано столько оружия и боеприпасов, сколько было бы достаточно для осуществления крупного путча. Сколько еще оружия остается в руках террористических неонацистских групп? На этот вопрос пока нет ответа.

Излюбленное место сбора неонацистских молодчиков — фешенебельная миланская площадь Святой Бабиллы. Уже давно кафе и бары на этой площади превратились в штаб-квартиры «золотой молодежи» индустриальной столицы Италии. Сынки буржуа подкатывают на модных скоростных японских мотоциклах, разодетые в шитые на заказ рубашки, на руках — золотые браслеты, глаз не видно за черными очками. Здесь истоиво, до хрипоты проклиная «красную опасность», нависшую над «дольче вита». Постепенно к юным «сливкам» общества присоединялись отпрыски недобитых в свое время фашистов и люмпены. Площадь Святой Бабиллы стала отправным пунктом для всех вооруженных провокаций в Милане. Мне однажды довелось увидеть, как оттуда на очередную «операцию» неслась группа мотоциклистов, вооруженных дубинками и увесистыми цепями...

Д'Итино и Даниелетти, арестованные в Абрुцких горах, тоже из клана «мальчиков со Святой Бабиллы». Из той же компании и Витторио Лои, сын известного боксера, находящийся сейчас в тюрьме по обвинению в убийстве полицейского Марино. Завсегдатаем кафе на площади был и Джанни Нарди, обвиненный в убийстве полицейского комиссара Калабреззи. Нарди удалось скрыться; по слухам, он нашел приют в Чили, под крыльшком «черных генералов».

Откуда они берутся, эти юные бандиты со Святой Бабиллы? Послушаем мать Алессандро Даниелетти: «Мой муж был убежденным фашистом. Я тоже сотрудничала с немцами... Сын повесил в своей комнате фото — солдаты рейха на марше. Ему всегда нравилось все, что относится к тем временам».

Джанни Нарди — сын богатого промышленника-самолетостроителя. С детства купался в деньгах. Отбыв воинскую службу, стал собирать оружие, семейную виллу превратил в настоящую полигон. На тумбочке у кровати молодого фашиста всегда лежала книга «Тысяча способов убивать».

Одним из друзей Нарди был убитый в горах под Римом Джанкарло Эспости. Его арестовывали по меньшей мере десять раз за участие в террористических налетах на здания «Уинита» и католического университета в Милане, за хранение взрывчатки и другие преступления. «Жалостливые судьи или оправдывали его, или приговаривали к мизерным срокам. По сравнению с двумя другими участниками летнего лагеря Эспости был крупной птицей. Он регулярно совершал поездки в Испанию, где нашли убежище многие материе фашистские волки — такие, как князь Валерио Боргезе и бывший телохранитель Гитлера Отто Скорцени. Считают, что Эспости был одним из руководителей «Отрядов действия Муссолини» — банды «подписавшей» не одно преступление против демократических сил. Он, видимо, знал много. И поэтому у журналистов возник обоснованный вопрос: почему старшина карабинеров Филиппи так старался убить Эспости? На этот вопрос мог бы дать ответ сам Эспости. Если бы не выстрел в упор...

В той же Брешии незадолго до взрыва на площади Лоджии был арестован некий Ким Борромео. Он был схвачен с личным — с грузом тротила и с огромной, неизвестного происхождения суммой денег. Узнав о взрыве, Борромео изрядно перелугался и на допросах рассказал кое о чем весьма серьезно. Группе Эспости, по его словам, была поручена крупнейшая провокация на манер убийства президента США Кеннеди. 2 июня, во время парада в честь Дня республики, из винтовки с оптическим прицелом надлежало убить кого-нибудь из руководителей государства — президента, премьер-министра или, в крайнем случае, министра внутренних дел. Преступление планировали приписать левым экстремистам — тактика не новая для итальянских неонацистов. Новыми были только масштабы провокации.

Оказалось, что друг Борромео, брешанский студент Сильвио Феррари, взлетевший на воздух со своим мотоциклом из-за неосторожного обращения со взрывчаткой, vez его на зна- логичной акции. На той же площади Лоджии, только парой месяцев раньше, должен был раздаться взрыв во время манифестации реакционной организации ветеранов войны «Тосканские волки». Потом были бы «найденны» листовки, в которых ответственность за взрыв брали бы на себя левые экстремисты. Только что закончился процесс по делу о подготовке взрыва поезда Турин — Рим¹. Террористы из банды «Феникс»

¹ Номер был сверстан, когда пришло известие о новом кровавом преступлении итальянских неонацистов — взрыве в пассажирском экспрессе «Италкус», в результате которого погибло 12 человек.

Ацци и Мардзорати также собирались приписать преступление «левакам». Впервые, пожалуй, итальянская Фемида проявила подобающую строгость — Ацци и Мардзорати получили по 20 лет тюрьмы.

За последние годы в Италии были раскрыты десятки подпольных диверсионных групп. Но одни исчезают — появляются другие, с новыми названиями. Об этой тактике лидер нефашистов АльмирANTE высказался весьма откровенно на одной из пресс-конференций: «Готовы ли мы к запрету Итальянского социального движения? Или это даст тот запрет! На следущий день наша партия возродится под новым названием». ИСД, как известно, летальный оплот итальянского нефашизма. Ее связи с тайными группировками всплывали не раз и не два, но АльмирANTE и его сообщники продолжают заседать в парламенте и выступать в политических диспутах по телевидению.

В Италии существует закон № 645 от 23 июня 1952 года, запрещающий организации, которые хотели бы воссоздать бывшую фашистскую партию, 23 ноября прошлого года на основании этого закона была распущена группа «Новый порядок». А 13 марта этого года публично заявила о себе некая группа «Черный порядок», вбравшая в себя кадры распущенной. Вслед за ней — как на месте срезающей, но не вырубленной с корнем поганки — появились сразу несколько нефашистских организаций: «Нулевой год», «Ячейки национал-революционер» и «Ячейки национал-социалистов».

«Черный порядок» имеет откровенно фашистскую программу. Вид строгий из его манифестов: «Мы готовы давно, но сейчас развитие событий ускорило, и наша черта обязывает нас выступить». «Вернем Итальян порядок и правосудие во имя фашизма», «Ваши дети оплатят за грехи отцов, мы всех вас знаем по именам». Своим местным группам «Черный порядок» дает названия в честь фашистов и коллаборационистов из всех стран — тут имена и румынского фашиста Кодрану, и предателя французского народа Луи Селина, и идеолога «сверхлодей» Фридриха Ницше.

Нефашистские отряды связаны единой структурой. Так, «Черный порядок» находится в тесной связи с отрядами МАР («Движение революционного действия»), созданными Карло Фумагалли. Фумагалли, в свою очередь, поддерживал контакт с некой «розой ветров» и, что особенно тревожно, с рядом антидемократичеких настроений военных типа, как генерал в отставке Ниделла, бывший командующий военным округом Вероны, и подполковник Сьельци.

В числе других иностранных журналистов я посетил научный центр итальянской уголовной юстиции. Мы заглянули у «электронного мозга» сведения о Фумагалли. Машина резко выстучала его основные биографические данные, в том числе пять арестов и, следовательно, пять случаев освобождения. Трудно сказать, сколько нефашистских преступлений могло быть предотвращено, если бы не этот «либерализм» судебной системы.

Последний случай хитроумной работы нефашистских оборотней — инсценировка нападения на штаб-квартиру нефашистского Итальянского социального движения в Падуе. Неизвестными лицами были убиты сторож Джузеппе Маццолла и некий Грациано Джираллуччи. И незамедлительно — в другом городе, далеко от Падуи — был найден подброшенный в телефонную кабину листок: так называемые «Красные бригады» признавались в содеянном. «Они оказали нам сопротивление и были наказаны», — говорилось в листке. В том, что это была фальшивка, убедиться было нетрудно. Никаких следов преступления не было установлено. Маццолла и Джираллуччи были убиты в упор, с применением техники профессиональных гангстеров, которые, как считают в Падуе, были знакомы жертвам. Но что это за «Красные бригады» и почему были убиты именно эти два человека в Падуе? Нужны два отдельных отчета.

Крайне левые группировки в Италии действительно существуют. Часть из них взяла на вооружение псевдореволюционные троцкистские лозунги, часть находится на пропагандистском и материальном довольствии у Пекина. Есть и группы анархистского толка. Правда, в последнее время многие молодые люди стали избавляться от левачьих заблуждений, но в целомเสมอма наличие левых экстремистов по-прежнему существенно облегчает происки нефашистов. В организации сбитых с толка юнцов засланы десятки провокаторов.

Видимо, практиковалось и прямое создание групп с провокационными левыми названиями. Так, вероятно, возникли и «Красные бригады». «Никто не видел этих бригад», — пишет газета «Коррьере делла сера». — «Единственный их опознавательный знак — общность стили в листовках». Что ж, немного, но филологи сразу же занялись и этим. Профессору Джуличчи из Милана manuscripte «Красных бригад» напомнили язык

провокаторов, подожгших Берлинский рейхстаг. Его коллега Коррадо Грасси из Турина заметил: «У нас немало неонацистских организаций, которые охотно употребляют выражения «классовая борьба» или «народная борьба».

Пресловутые «Красные бригады» осуществили несколько сенсационных и нелепых похищений. В Турине они подержали «на плену» двух служащих с заводов «ФИАТ» и «Сименс». По явно не случайному совпадению эта акция состоялась в период, когда близился к завершению переговоры профсоюзов с дирекцией. В Генуе «Красные бригады» заставляли заместителя генерального прокурора Марио Сосси и потребовали в обмен выпустить группу преступников-анархистов. Похищенному Сосси подсовывали книжонки о коммунах в Китае. В чисто пекинском стиле его выпустили, когда он «признал свою вину перед революционными массами».

«Красные бригады» провозглашают себя «революционной антифашистской» и призывают к немедленной вооруженной борьбе. Совершенно ясно, что это откровенно провокационная организация, к которой в «лучшем» случае примешано несколько левачок — фанатиков, практически не менее вредных и компрометирующих действительно мощную борьбу итальянских трудящихся за социализм и демократию.

Итак, после убийства нефашистов в Падуе снова всплыли «Красные бригады», и понтоно, в каких целях. Но зачем понадобилось прибегать к такому сильному средству, как убийство?

Обнаружилось, что Грациано Джираллуччи также знал слишком много. Больше того, он был агентом Гуидо Джаннеттини, журналиста из нефашистской газеты «Секоло», избравшего второй профессией службу в СИД — военной контрразведке.

Джаннеттини — убежденный фашист. Он сам слишком замешан в «черном заговоре» и предпочел скрыться — по слухам, в Испании. «Я и сейчас работаю для фашистских групп, итальянских и иностранных», — откровенно заявил Джаннеттини перед тем, как уйти в подполье. — Эти группы пока действуют за кулисами, но имеют много шансов повлиять на жизнь Италии. Пока они ведут информационную работу, но со временем можно будет перейти и к действиям».

Звербовав этого отпетого фашиста, СИД поручил ему работу среди ультраправых групп. Джаннеттини постоянно носил с собой микропередатчик, чтобы информировать секретные службы об акциях «подпольщиков». Например, установлено, что СИД располагал подробной информацией об адресах нефашистской провокации в Милане — взрыва в помещении Сельскохозяйственного банка.

По признанию еще одного агента СИД Джорджо Дагари, информация о террористической группе Фумагалли была передана им в военную разведку еще летом 1970 года. Никакого хода ей не было дано, никакого наступления на нефашистских подпольщиков развернуто не было.

Сейчас «дело СИД» занимает итальянскую печать не меньше, чем в свое время «дело СИФАР» — так ранее именовалась итальянская военная разведка, которая, как обнаружилось, принимала участие в подготовке правыми силами государственного переворота. «Дело СИД» обсуждается в парламенте, можно предвидеть еще более сенсационные разоблачения. Все-таки что-то движется вперед в деле борьбы с нефашистской угрозой. Выборы в областное собрание на Сардинии показали, что главный оплот нефашизма, ИСД, теряет влияние и избирателей по мере того, как разоблачаются социальные демоagogия этой партии и все больше вскрываются ее прямые связи с террористами и преступниками. Почему же не продвигается вопрос о запрещении партии АльмирANTE в законодательном порядке, через парламент? К этому делу, видимо, идет. Но нельзя забывать о том, что за эту партию на последних всеобщих выборах проголосовало три миллиона итальянцев. Совершенно ясно, что лишь ничтожная их часть — убежденные фашисты и сторонники диктатуры, остальные же были обмануты фальшивыми лозунгами либо запуганы. Сейчас эти избиратели все больше избавляются от дурмана фашистской демоagogии. Когда главари нефашизма потеряют опору, будут изолированы, когда будет полностью раскрыта паутина «черного заговора» и обезврежены его участники, — настанет час полного освобождения Италии от угрозы нефашизма.

...На римском аэродроме я случайно наткнулся на Джорджи АльмирANTE. Он был бледен и ялся в уголке регистрационного зала. АльмирANTE летел на Сардинию для участия в предвыборной кампании. «Тяжелая, тяжелая ситуация», — повторил лидер ИСД. — «Все против нас, вся печать, все радио и телевидение...»

И весь народ, мог бы добавить АльмирANTE, если бы был расположен к честности и откровенности.

Рим, июль

Dylan: СНОВА В ПУТИ

После восьмилетнего перерыва Боб Дилан возобновляет свои гастроли по Соединенным Штатам 3 января 1974 года — буквально через несколько часов с момента публикации этого объявления в адрес агентства, организующего выступления Дилана, было направлено свыше пяти миллионов почтовых заказов с просьбой зарезервировать около пятнадцати миллионов билетов на предстоящие концерты.

Американская индустрия развлечений привыкла к астрономическим цифрам, но столь грандиозного разового успеха, выпавшего на долю одного артиста, она не видела еще никогда. Конечно, Боб Дилан был некогда на вершине славы, но карьера его прервалась в тот июльский день 1966 года, когда заднее колесо мотоцикла, внезапно

заклинившееся на полном ходу, выбросило его на асфальт и заставило провести несколько месяцев в полной неподвижности с тяжелейшим повреждением шейных позвонков. А за то время, что Дилан скрывался от глаз публики и прессы за надежной изгородью своего дома близ провинциального местечка Вудсток, штат Нью-Йорк (прославившегося, между прочим, грандиозным рок-фестивалем), молодежная аудитория по обе стороны Атлантики вознесла на пьедестал, а затем безжалостно низвергла в небытие по меньшей мере десяток поющих идолов, да и сама поп-музыка стремительно эволюционировала в сторону необыкновенного усложнения своего языка, композиционной структуры и технических средств.

Почему же лезть о возвращении Боба

Дилана на эстраду вызвала столь бурный и массовый интерес?

Шумный, но кратковременный успех всегда можно объяснить поветрием моды или коллективным психозом, устойчивые же симпатии публики вызываются чем-то иным. Примером первого могут служить короли рок-н-ролла 50-х годов, приводившие свою аудиторию в экстаз бесконечным повторением двух-трех простейших фраз, перемежаемых захлебывающимися выкриками, в которых лишь с большим трудом удавалось разобрать подобие примитивных куплетов, не заслуживающих даже того, чтобы называться текстом. «Похоже, что наша молодежь вообще разучилась общаться при помощи слов», — жаловался один из наблюдателей той поры.

— ВЫ СПРАШИВАЛИ —

Слова, однако, играли важную роль в жизни застенчивого подростка, жившего со своими родителями, среднебеспеченными людьми без особых амбиций, в захолустье шахтерского городка Хибинг, штат Миннесота. С детства он больше всего любил поэзию, и его несколько не привлекало будущее, которое прочла ему отец — торговце скобяными изделиями, мечтавший видеть сына достойным продолжателем семейного дела.

В возрасте десяти лет он убежал в Чикаго. Случайная встреча со старым негром — уличным певцом, в чьем обществе Боб провела три месяца и получила первые уроки игры на гитаре, во многом предопределила его дальнейшую судьбу. Его, правда, нашли и под надзором доставили в родительский дом, однако в мыслях он так и остался в том прежнем собственном мире. Боб начинает писать стихи, подражая своему давнему кумиру, валлийскому поэту Дилану Томасу, чье имя он впоследствии избирает своим артистическим псевдонимом...

В Хибинге он проводит долгие часы у радиоприемника и в местной дискотеке, вслушиваясь в голоса негритянских мастеров стиля «ритм-энд-блюз» — порождения черных стейт больших городов, и белых певцов гитары «кантри» — разновидности музыкального фольклора, издавна процветающего в отдаленных сельских местностях Среднего Запада и Скалистых гор.

Еще учась в школе, Боб организует собственный локально-инструментальный ансамбль — «Голден Кордс» («Золотые струны»), пытается сочетать в его деятельности оба эти течения, ранее почти не соприкасавшиеся друг с другом. Его личные художественные устремления несколько опережают общий курс «молодежной» музыки середины 50-х годов, где правит бал рок-н-ролл. К тому же он еще слишком молод, робок и, пожалуй, чересчур тонок и сложен для среднего американского слушателя тех лет; какое-то время ему суждено остаться незамеченным в тени более опытных, удачливых и беззащитно-напористых рок-звезд типа Билла Хейла с его «Кометанов», Пола Анки и пробивного Эвиса Пресли.

В девятнадцать лет он отправляется в путешествие по Соединенным Штатам, путешествуя автостопом, коротая вечера у костра со случайными попутчиками и ночуя в спальной мешке под открытым небом. По пути он останавливается также в университетских кампусах, и студенческая молодежь охотно собирается вокруг бродячего поэта-певца. Оказывается, он умеет мгновенно завладеть вниманием, умеет говорить ясным, точным и беспощадным языком обо всем том, что тревожит души молодых и наполняет их гнетущим беспокойством, о том, что всеми ощущается, но остается еще не названным, не определенным, не высказанным и потому мучительным вдвойне.

Умение называть вещи своими именами он обзавел знакомству не только с книжной поэзией, но также и с типично американским жанром «песни протеста», одним из зачинателей и крупнейших представителей которого в 30-х и 40-х годах был замечательный народный певец, поэт и композитор Вуди Гатри, а в 50-х — Пит Сигер и Гай Караван...

Так родился Боб Дилан — самый яркий музыкально-поэтический символ разгневанной молодой Америки 60-х годов, неотделимый от студенческих митингов и дискус-

сий о социальных реформах, от маршей свободы и защиты гражданских прав негров, от общенациональных выступлений против жестоко-приморщленного комплекса и расовых демонстраций, требующих мира в Индокитае. Лучшие вещи Дилана, такие, как «На крыльях ветра», «Скоро пойдет сильный дождь», «Времена меняются», написаны в атмосфере Нью-Йорка 60-х годов, куда он приехал, исколесив чуть ли не всю Америку, с серьезным намерением слушать и учиться, учиться очень специфическим вещам у безусловно талантливых музыкантов. «Я бы не написал ни одной из своих песен, — вспоминал впоследствии Боб Дилан, — и не спел бы их так, не будь у меня возможности сидеть в нью-йоркских кафе, прислушиваясь к разговорам и изучать мастерство других исполнителей...»

Обозреватель влиятельной газеты «Нью-Йорк таймс» писал в то время:

«Со дня смерти Уильяма Фокнера американские критики судорожно обнаруживают литературный горизонт в поисках романтического или поэта, которого можно было бы с уверенностью объявить писателем № 1 нашего общества в том смысле, в каком Фокнер, а до него Хемингуэй отвечали этому титулу. Неудивительно, что критики обратили пристальное внимание на авторов, которые наиболее широко читаются выпускниками колледжей, так как сегодня это самые придирчивые читатели. И вот в интеллектуальных кругах, где прежде разговор велся лишь о Роберте Лоуэлле, Соле Беллоу и Гормане Мейнере, некоторые из имен, стало ясно, что любимое современной американской студенческой молодежью — 24-летний автор, композитор и исполнитель песен Боб Дилан».

Публика, воспитанная на сладчайших мелодиях Синатры, встретила Боба Дилана, по его словам, в штыки: «Ты поешь как деревенщина. Нам нужны народные певцы».

Весь парадокс заключался в том, что Боб Дилан и был настоящим народным певцом, только не образца любимчиком буржуа — скромных и чистеньких Питера, Поля и Марк. Дилан исполнял свои песни совсем не «элегантно» — его голос напоминал голос негра, поющего блюзы на пороге своей развалюхи. И это не случайно. За время пребывания в Нью-Йорке Дилан не пропускал случая послушать исполнителей блюзов и спиричуэлов, понимая, какое значение имеет народная негритянская музыка для серьезного современного музыканта.

Как и Вуди Гатри, Дилан очень часто в своих песнях обращается к традиционной для негритянской спиричуэлы теме «железной дороги», этому вневременному символу свободы и новой жизни. Образы, связанные с железной дорогой, характерны также и для белого рабочего фольклора — товарные вагоны во времена «князьских бурь» служили домом для «хобо», профессионального бродяги, ибо в судьбе черного и белого бедняков много общего: их роднят страдания и нищета.

Он скрывается в развалюхах,
Он в канавках лежит у дорог,
И цокот колес его мозг бердет.
Он прошел нуть же бандитской науки,
Принимает без звука,
В стину или кулаком
Голым в клинче;
И не знает имени клинча,
Как у пса на цепи.
Но не судите его по песнею.
Он в игре богачей только пешка!»

Песни Дилана, исполняемые им самими, а также Джоан Базз, Одеттой, Джудит Кохлиной, Питом Сигером и другими, произвели подлинную революцию в американской эстрадной музыке. «До появления Боба Дилана, — говорил один из нью-йоркских деятелей грамзаписи, — большинство самых популярных песен представляло собой жалобу по поводу неудачной любви. Теперь же, как это ни удивительно, на первом месте пластинки о таких вещах, как война, внешняя политика и бедность».

В 1963 году всеобщую известность получили долгоиграющий альбом Дилана «На крыльях ветра». «Сколько нам нужно глаз, чтобы увидеть слезы друзей? Сколько рад оглянуться вокруг, что заметить беду рядом с нами?» — спрашивал он в одной из песен. Не ограничиваясь привычными к пассивному созерцанию, он прямо указывал источник страданий и горя миллионам в своих «Мастерах войны», и в июле того же года Джоан Базз, представляла Дилана аудиторией фольк-фестиваля в Нью-Йорке, называет его «лидером движения американской программной песни».

В своем следующем альбоме, вышедшем шесть месяцев спустя под многозначительным названием «Времена меняются», Боб Дилан бросает открытый вызов «благополучной Америке»:

Идет борьба;
Она уже слышна снаружи,
И скоро стена заревет, и
И стены заревет,
Потому что времена меняются.

Свои песни Дилан обычно называет историями. И правда, большинство из них представляют собой повествования: например, «На смерть Хатти Кадрол» — это рассказ об убийстве негритянки богатым мелодым белым, событии, имевшем место в действительности; фантазия «115-ой сон Боба Дилана» — сатирическое изображение открытия Америки Колумбом.

Он рассказывает о человеке, отчаявшемся найти работу и убивающем себя вместе со своей семьей, чтобы забыть место от мук голодной смерти («Баллада о Хоалис Браун»), и о меланхолическом свертываемом производе («Норс кантри блюз»). В балладе «Бог на нашей стороне» он сокрушает официально-хрестоматийные мифы о якобы справедливых основаниях и благородных мотивах захватнических войн.

А еще чаще чем Дилан вносит смещение и раскол в ряды своих почитателей, выпустил пластинку «Другая сторона Боба Дилана», где предстает художником глубоко личным, тонким мастером психологического анализа, исследующим интимнейшие тайники своей души и не боящимся быть непонятым.

Вслед за тем он столь же неожиданно отходит от утвердившейся манеры сольного исполнения и демонстрирует виртуозное владение приемами современной рок-музыки в составе инструментального ансамбля. На его первом выступлении в электоративной — это было на фестивале народной музыки в Нью-Йорке — слушатели, которые пришли приветствовать его, вместо этого его осматривали, так что он даже был вынужден покинуть сцену и вернуться со своей старой, акустической гитарой.

Боб Дилан выступил пионером нового направления, получившего название «фолк-рок». Это совершенно новая, оригинальная музыка: все-таки «рок», но «рок», требующий интеллектуального восприятия. Дилан сделал поп-музыку, которую до него ассоции-

¹ Здесь и далее перевод стихов В. Минусина.

ровани с чем-то банальным и легковесным, настоящим искусством.

Подлинное искусство всегда оставляет свой след в душах людей, и заслуга Боба Дилана прежде всего в том, что он помог своему поклоннику стать духовно богаче. Он сдала для воспитания вкуса публики, для развития у массовой аудитории восприимчивости к вещам действительно талантливым больше, чем все «хит-парады», вместе взятые. Дилан стал объектом похваления для огромного количества начинающих. Его влияние сказывается отчетливо и во многих вещах «Битла».

Впрочем, когда в интервью его спросили, считает ли он себя лидером молодежи и нравится ли ему эта роль, он сказал, что «...должны быть люди, специально обученные для этой работы. А я просто человек, который делает свое дело, вот и все».

Дорожная катастрофа 1966 года превращает сценическую карьеру Дилана, но не парализовала его музыкально-поэтическую активность. «Я несколько месяцев лежал, уставившись в потолок. Но поскольку я и раньше часто сидел и гадал в потолок, меня это не особенно тяготило. И не чувствовала одиночества — я ведь деревенский парень. И потом, если хочешь создать что-нибудь стоящее, нужно, чтобы тебя оставили в покое». Очередной альбом, вышедший 18 месяцев спустя и названный «Джон Велан Хардинг» — по имени легендарного тexasского бродяги, — явился своеобразным «возвращением к истокам»...

В 1970 году выходит двойной долгоиграющий диск Дилана «Автопортрет», который разошелся трехмиллионным тиражом. В этой пластинке Дилан демонстрирует свою тесную связь с музыкальными традициями Америки. Одна из новых песен — «Мне очень больно» — переработка старинной баллады 30 лет давности Эдлера Джеймса. Дилан добавил к нему несколько своих строк.

Все эти восемь лет, что Боб Дилан не занимается концертной деятельностью, он много и успешно работает, периодически выпуская альбомы — не более одного в год. Ни одну из своих песен Дилан не записывает на бумагу. Он помнит их наизусть. Перед тем как записать песни на пластинку, он исполняет их перед случайными прохожими, прислушивается к их замечаниям, показывает им, как это будет звучать с гитарой или фортепиано. Когда начинается запись, у него уже все готово и вычищено. То, для чего некоторым исполнителям требуется целый день, Дилан делает за первого или второго раза. Самостоятельность, независимость в поступках и суждениях всегда отличали Боба Дилана от других звезд «белого» песенного мира. Даже в конце своей карьеры он отвергал любые мнения насчет того, как нужно петь и как писать песни. И в этот период своей жизни он ведет себя очень непохоже на других, что даже служит поводом для обвинения его в саморекламе таким странным образом. На самом деле все гораздо проще и в то же время гораздо сложнее. До несчастного случая с мотоциклом жизнь Дилана напоминала мотогонки. Все свои песни он сочинял в мотелях и машинах. «...Я мчался с бешеной скоростью. Пять лет я провел в дороге. Это утомло — жить бы не снижать темп, понимаете? Меня это совершенно измотало».

Дилан уклоняется от встреч с репортерами, чем приводит в отчаяние миллионы своих поклонников. Его фотографии не печатаются среди лучших поп-певцов. «Плагинисты — это смерть, — заявляет

он, — Люди не понимают, что пресса использует нас только для того, чтобы продать газету. В этом, может быть, и нет ничего плохого, но, когда твои слова искажены или когда твои идеи нужно, чтобы сочинить историю посмешнее, становится обидно, как тогда будучи оурачнаны».

Один раз он позволил сделать о себе фильм, о чем впоследствии не сожалел. Это был фильм «Не оглядываясь» о концертном турне по Великобритания. По сути же дела это, как писал журналист «Ньюсуик», «фильм о славе вообще и о том, как она угрожает настоящему творчеству, о прессе, которая распределяет людей по категориям, просеивает, стерилизует, универсализирует или изображает в традиционном свете таких самородков, как Боб Дилан, превращая их в нечто смутно распознаваемое. Это страшное, запоминающееся изображение человека, от которого все — в том числе и он сам — ждут реакции на каждую банальную остроту, каждый выкрик или дурацкий вопрос из зала, человека, пытающегося сохранить душевное равновесие в обстановке неумолимой трескотни, назойливости репортеров, которые приходят не для того, чтобы сделать репортаж, а чтобы стать запанибрата со знаменитостью, влезть к ней в душу...».

Летом 1970 года Бобу Дилану, «одному из самых выдающихся музыкантов последнего десятилетия», Принстонский университет присвоил почетное звание профессора музыки. Боб так волновался, что прибыл на час раньше. После долгих уговоров он наконец согласился объявиться в профессорскую мантию, но только при условии, что ему разрешат наденуть на руки белую повязку со знаком мира, которая символически связывает его с движением протеста американского студенчества. Сразу же после приветственного обращения к нему президента университета Дилан сошел со сцены, снял мантию и уехал, даже не произнеся ответной речи.

И вот теперь ему вновь предстоит оказаться лицом к лицу с публикой, с новой публикой, которую он еще не знает. Какой же будет эта встреча, открывающая его турне, что ожидает от него 19 тысяч человек, собравшихся на трибунах чикагского стадиона, и кто они такие? Каковы их теперешние вкусы, симпатии и пристрастия? Ведь за эти годы в корне изменился сам спектр художественной деятельности, шедшего в нечет сдвиге между свето-звуковой феерией, спектаклем театра абсурда и каскадом головокружительных цирковых укрощений...

Боб Дилан остался в этом отношении на редкость консервативным. Он не последовал новейшей поп-моды, предписывающей выходить на сцену в одеянии буддийского монаха, костюме астронавта XXI века, шитом золотом гусарском мундире, венкам, надетым на голое тело, или в каком-либо ином столь же экстравагантном обличье.

Он обогрелся также без электронного синтезатора, ринг-модулятора, обратной связи и других радиоактивных приспособлений, до полной неузнаваемости деформирующих естественное звучание инструментов и человеческого голоса. Около половины своих номеров Дилан по-прежнему исполняет под аккомпанемент обычной (не электронной) гитары, в остальном его сопровождает небольшая группа канадских музыкантов, называемая сейчас просто «Ансамбль».

— ВЫ СПРАШИВАЛИ —

Короче говоря, по прошествии восьми лет он предстал перед своими поклонниками таким же (или почти таким же), как и прежде, — одним из немногих, кто остался верен себе, то есть верен своим идеям и своим принципам после всех поговорок и разочарований, охвативших Америку конца 60-х — начала 70-х годов.

И стадион приветствовал его как национального героя! Трибуны мапимална небо, уснейнй мердацционнй звездам, — это вспыхивали тысячи свечек, ставшие символом солидарности со времен Вудстока. Но один номер не нуждался в специальном объявлении. Дилан под свон старье вещи, уже известные по пластинкам, с безупречным профессионализмом.

Время бег замедляет, когда мы блуждаем в горах, у водопадов, мостов над провалами, не мурдаем в словах, Ловим рыбешек в потоне, смачуем по камням, Время бег замедляет, когда предаемся мечтам.

После перерыва Дилан выходит, чтобы исполнить ряд песен соло под аккомпанемент гитары или гармоник. После четырех-пяти баллад он вместе с ансамблем в сопровождении электронноинструментов демонстрирует несколько вещей в стиле «фолк-рок». Концерт длится три часа.

За прошедшие десять лет поколение 60-х годов распалось многие свои нации. Небольшая группа людей замкнулась в своем личном мире. И на концертах «Боба Дилана» вчерашняя и сегодняшняя молодежь Америки внимательно слушались не только в его слова, но и в себя, а вслушавшись, сплетает руки и подхватывает припев его знаменитой «Пережити-полет» — песни об обманутых надеждах:

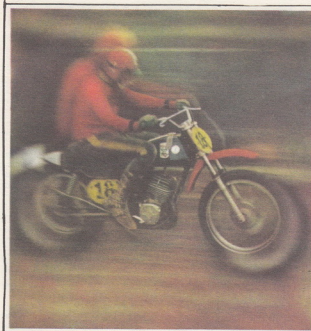
А как тому,
А как тому,
У него такая доля —
Бездумным бродягой, голью,
Мальца поповле!
Пережити-полет!

В зале сидят вчерашние выпускники университетов, участники студенческих сидячих забастовок, борцы за гражданские права негров и индейцев, противники вьетнамского призыва... Многие из них отошли от борьбы, «остепенелись», даже прибавили в весе. В проходах между рядами, смешно перешагивая, бродят их мамы... И вот они снова вместе. И совсем не старики, какими себе считали. Ведь 32, как Бобу Дилану, — это совсем немного. Этот парень с гитарой собрал их сюда словно специально, чтобы напомнить, что все это было и что это есть.

И будет всегда рука работа,
И будет ваш бег всегда стремителен,
И прочнее вы найдете опору,
Когда промчатся ветра перемен.
И будет всегда в вашем сердце радость,
И ваша песня взлетит над миром,
И будет вечно вы молоды!

«Этот концерт не nostalgia, — сказала потом Боб Дилан. — Мне кажется, эти проблемы волнуют и сейчас. Это очень современный концерт».

М. КРИГЕР,
Л. ПЕРЕВЕРЗЕВ

ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ ПО БЕЗДОРОЖЬЮ

Это сейчас не надо никому объяснять, что есть мотокросс. А пятьдесят лет назад первые зрители удивлялись чудачкам, решительно отказавшимся не только от тренировок, но даже от обычных дорог. Первая гонка по бездорожью прошла в английском городе Кемберли в 1924 году. Меньше половины из 80 гонщиков смогли преодолеть все канавы, подтемы, болотистые лужи и лишние повороты, отделявшие старт от финиша.

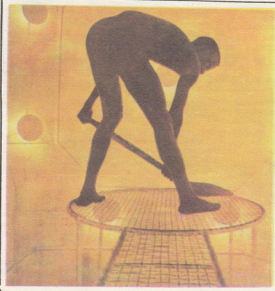
Первые международные соревнования состоялись в 1947 году. С той поры многое изменилось в мотокроссе. Во-первых, расширился состав участников — трудно даже найти страну в Европе, которая не присылает свою команду. Изменились, конечно, став мощнее и маневреннее, и машины бесстрашных гонщиков. Наконец, неузнаваемой стала и экипировка спортсменов: гонщики не отступают от моды нашего «века космоса»: их палаты сифафандры и заборала под стать одежде астронавтов. До тех пор, пока их нововведениям можно возмущать со старта. Первые же километры — грязь, пыль, вода делают их ни на кого не похожими. Или, точнее, похожими на мотогонщиков, рванувших в свой первый путь пятьдесят лет назад.

ПЕШИЙ ХОД. Соединенные Штаты, как известно, страна автомобилей. Куда менее известно, кто же там ходит пешком. Специальным исследованием, проведенным Колумбийским университетом, установлено, что больше всего в США приходится ходить фермерам — в среднем 30 километров в день. Затем следуют почтальоны (28 километров), официанты (22 километра), санитары в больницах (20 километров), детективы в университетах (14 километров) и домашние работницы (6 километров). Меньше всего ходит пешком сенаторы и губернаторы — на каждого из них едва набирается по 720 метров.

В МИРЕ ДУХОВ. Множество спавочников и путешественников выпускается в Англии для туристов. Есть и такой: «Лондон привидений», составленный Питером Ундервудом. Там очень обстоятельно перечислены все места британской столицы, где в определенное время можно встретить того или иного посланца мира духов. В предисловии автор авторитетно утверждает, что в Лондоне встречается несравненно больше привидений, нежели в любом другом городе.

НЕ ХОТЯТ В ИЕЗУИТЫ

«Быть или не быть?» — назалось бы, гамелоские сомнения не в лицу воспитаннику иезуитской школы. Его путь ясен: он должен стать членом ордена иезуитов или «Общества Иисуса»; для того его и отдавали в эту школу. Однако корреспонденты западногерманского журнала «Штерн», побывавшие в интерьере святого Власия, обнаружили, что ни уроки закона божьего, ни обязательные посещения церкви не приобщили юные души к религии. Дело не в том, что обязательное «Восславию Иисуса Христа» перед трапезой ученики произносят с усурдием человека, потчевывающего в затмылке. И даже не в том, что все стареющие классники, опрошенные журналистами, признали, что не собираются по окончании школы вступать ни в какой церковный орден. «Мир сейчас иной, кем он представляется нашим наставникам» — так сказал один из воспитанников. Примечательно, что он и его друзья увлекаются чтением марксистской классики. Учителя, пишет «Штерн», конечно, смотрят на это косо...

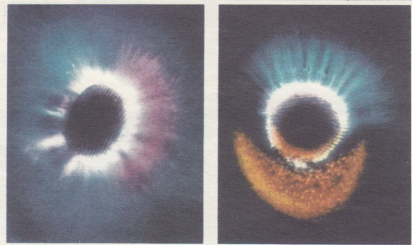
АД НА НАУЧНОЙ ОСНОВЕ

50 градусов жары — много это для нормального человека или ничего, терпимо? А если при этом, не разгибая спины, копать под землей лопатой или кайлом много-много часов подряд? Испытумый снабжен шпанцевым инструментом, помещен в специальную термометру, лампы накаливания поддерживают заданную температуру — экспериментаторы в Ожюно-Африканской Республике: подобные условия каторжного труда нисколько не вредны для здоровья. Значит, кавцев, так что 400 тысяч чернокожих рудокопов, добывающих для гни Фордса 150 граммов из тонны породы, 900 тонн золота в год), должны сказать ему сердечное спасибо за заботу об их здоровье, за то, что они работают под землей, оказываются в «вечную обожженных условиях»...

ПОРТРЕТЫ НА ПАЛЬЦАХ

Оказывается, не один глаз — даже палец может быть «зеркалом души». Дозаказательством тому служат фотоотпечатки перстов, полученные по особому методу. Левый принадлежит человеку, погруженному в состояние гипнотического покоя, правый — человеку сильно рассерженному. Это цветное свечение фиксируется фотопленкой, если ее положить на металлическую пластинку, через которую пропущен ток высокой частоты — настолько слабый, что он неощутим для пальца, прикасающегося к пленке. Это явление открыли и первыми начали изучать советские ученые супруги Кирилян. Опыты по изучению странного свечения живых организмов (в том числе листьев растений) ведутся во многих странах. Материал накоплен обширный и сейчас обрабатывается.

РЕПУТАЦИЯ СОХРАНИЛАСЬ

Крокодилы среди дессертировщиков не пользуются хорошей репутацией. Не то что, скажем, лавы. Уже не одно столетие на аренах мира показывают традиционный номер: дессертировщик раскрывает царю зверей пасть и засовывает туда свою голову. С крокодилом такие трюки не проходят. Неслыша доказав обривное, американец Питер Берд отправился в Кению, где на берегу озера Рудольфа стал позировать в пасти крокодила. На всякий случай, правда, крокодил был избран не живой, а предварительно застреленный. В итоге снимки вышли сенсационными: неустрашимый Берд занесит в бланкет свои впечатления от пребывания в зубах страшной рептилии.

Однако мистификация не сошла гладко: пока он позировал, челюсть крокодила оскостенела, и Берд оказался в капкане! С большим трудом удалось извлечь мистификатора из зубастого плена. Гоморар за опубликованные фотографии Берду пришлось получить в больнице — три излеченных, он получил серьезные ранения обеих ног. А крокодилы сохранили свою репутацию.

НЕ КАТАНЬЕМ, ТАК МЫТЬЕМ

Весьма оживленный интерес вызвала недавно прошедшая в Хельсинки выставка «Арс-74», участниками которой объявили себя «современными реалистами». Один из «современных», американец Хансен, представил, например, так называемую «живую скульптуру», которую вы видите на фотографии. Женщина (живая женщина) моет (на самом деле) пол (пол тоже настоящий). Зрители отмечали один недостаток этой работы: нигде не указано, во сколько обойдется приглашение «живой скульптуры» на дом...

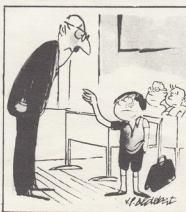

ПРИСТРАСТΙΑ «БИТЛЗ»

Уже четыре года, как «Битлз» не выступают вместе, но разговоры о них не кончатся. Западная печать, что ни месяц, сообщает об их якобы тайных встречах, доверительных беседах, а главное — о предполагаемом воссоединении.

«Будут ли когда-нибудь «Битлз» выступать вместе?» — волнуются многочисленные почитатели. «Нет», — отвечает Пол Маккартни в английском журнале «Мелоди мейкер». — У каждого из нас сейчас свои пристрастия. Я люблю детей, Джон — студентов, Джорджи — мистину, а Ринго — свою мамочку». Однако пристрастия пристрастиями, но навряд ли из четырех все же отходит от главного занятия — музыки.

Сразу после распада ансамбля в 1970 году Пол Маккартни основал группу «Уингз» («Крылья»), с которой записал уже три долгоиграющие пластинки и объездил всю Европу. Со своей группой «Элфантаз» («Слоны») выступает и Джон Леннон. Однако самый большой успех у гитариста Джорджа Харрисона, записавшего альбомы «Все должно пройти» и «Вангладеш». Ринго Старр как музыкант пользуется успехом больше у критиков, чем у слушателей. Тем не менее именно он уговорил недавно коллег из «Битлз» выпустить совместную пластинку. В эфире признательности за организационные хлопоты альбом назвали «Ринго».

А ЧТО ПИСУЮТ?

— Хочу вас сразу предупредить: если вы и дальше будете разговаривать с нами в таком тоне, как 1 сентября, у нас не сложатся отношения!

Рис. художника Альдебера, журнал «Пари-матш», Франция.

БОГИ В КОРОТКИХ ШТАНИШКАХ,

ИЛИ ИСТОРИЯ ПОСЛЕ ФИНАЛЬНОГО СВИСТКА В МЮХЕНЕ

Борис СЕНЬКИН

9 хо мирового футбольного чемпионата, доставившего летом столько волнений, радостей и огорчений поклонникам этой игры, долго не утихло. Западногерманские болельщики готовы носить на руках свою «одиннадцатку» четыре года, до следующего чемпионата. Сказать, что они молятся на своих любимцев, — мало, потому что обычно эту фразу понимают фигурально. Если вы взглянете на фотографии, то сумеете убедиться, что некоторые это делают буквально — как этот юноша, преклонивший колени перед вратарем сборной ФРГ Зеппом Майером.

Но быть «богом» в футболе — занятие хлопотное; сегодня перед тобой на коленях, завтра на колени стремится поставить тебя. В Рио-де-Жанейро или Риме какой-нибудь болельщик, узнав на улице футболиста сборной, кричит сегодня ему в лицо обидные слова. «Тиффозии» тяжело переживая поражения, и тут они не жалеют ни себя, ни своих кумиров. Один из них после матча Италия — Польша

(итальянцы проиграли 1:2 и выбыли из дальнейшей борьбы) грохнул из окна квартиры, с пятого этажа, свой телевизор. По пути из аэропорта в Милан автобус итальянской команды на всякий случай эскортировали семь полицейских автомобилей и два грузовика с карабинами.

Деловой мир по-деловому, хотя тоже не без эмоций, подводит итоги чемпионата. И здесь тоже были победители и проигравшие. Доходы фирм по продаже и прокату телевизоров в первом полугодии возросли в полтора раза. Бельгийская компания «Спорт-ТВ» в последний момент перед чемпионатом вырвала из-под носа конкурента, швейцарской фирмы «Глория-транспаренте», концессию на полосы земли вокруг футбольных полей, чтобы облепить их рекламными щитами. Газеты пишут, что хозяин фирмы сейчас сияет. Должно быть, не зря. Успешно «выступила» на чемпионате и гамбургская фирма «Ланггезе». Ведь ее мороженое до и во

время турнира со страниц журналов и газет хором нахваливала команда, завоевавшая золотой кубок ФИФА (см. фото).

Но в бизнесе, как и в спорте, не одни победители. Директорам многих предприятий и учрежденный чемпионат доставил изрядные хлопоты. К нему готовились как к стихийному бедствию — ведь часть матчей проходила и транслировалась в рабочее время. Союз предпринимателей в Западной Берлине разослал фирмам циркуляр М 53/74 с приложенной программой телерепортажей с чемпионата, дабы администрация заранее знала, в какие дни ожидать массовой невки на работу из-за «внезапного недомогания».

Доставила «футбольная лихорадка» работы и медикам. Еще до чемпионата они предсказывали рост количества инфарктов у телезрителей в период с 13 июня по 7 июля. Исследования, предприятия западногерманскими кардиологами, показали, что футбольный репортаж, как никакая другая телевизионная передача, учащает

сердцебиение даже у «небольшенького». Вот почему опыт чемпионата изучают сегодня не только тренеры, но и врачи. — Это великая находка, штука — футбол, но арифметика: двадцать два игрока, двадцать судья плюс кошмарный веском в 425 граммов. О нем, кроме самих футболистов и болельщиков, размышляют и кардиологи, и бизнесмены, и социологи, и писатели. Один из непосредственных (а отличие от теле-) зрителей чемпионата, английский писатель Антони Брадсхед, написал по горячим следам: «Прежде всего футбол дает передышку от новостей, а они всегда скверны. Нынешний чемпионат позволил легче переваривать инфляцию и ляпы политиков. Оставим в стороне вопрос о том, что полезнее для человеческого души — зрелище кусочка кожи, пинаемого туда-сюда, или «газеты и органная месса Баха. Футбольный чемпионат свел вместе разные народы для неослабного соперничества, вот что важно».

А что же «звезды» — те, кого чемпионат вознес в зенит славы? О них пишут, и по-прежнему много. Но уже не столько о виртуозном мастерстве, которым они удивляли и радовали зрителей во время трехнедельного изумительного, нервного турнира, сколько о «вне футбольных» подробностях их жизни. Мелькают фотографии: вот чемпион мира Пауль Брайтнер возится с дочерью; вот он, опёршись на радиатор роскошного «мазерати» стоимостью в 80 тысяч марок, раздет автомобиль; куляется в бассейне своей виллы. Мелькают цифры — подсчитываются состояния Беккенбауэра, Майера, Мюллера — цифры, вновь возносящие богов в коротких штанишках на Олимп, на этот раз финансовый. Журналисты занимают: чем, кроме футбола, интересуются знаменитости, как относятся к деньгам — не одолев ли жаждой?

В борьбе больше всего на свете — «Правительство», Йозефом Штрайсом во главе», — отвечает Брайтнер. «Чего желаете больше всего?» — «Полного мира во Вьетнаме». — «Занимаетесь ли политикой?» — «Интересуюсь, но не занимаюсь. Участвовать в демонстрациях нам запрещено по контракту с административной клубом». «Планы на будущее?» — «Через пять лет уйду из футбола. Буду преподавать в школе для увечных детей». Как совместить это благородное намерение с некасирующей рекламой торговой собственной «имени»? Брайтнер обещает вскоре бросить преподавательство, серьезно заняться учебой. И сдается добавляет: «Всего какой-нибудь один процент публики представляет себе, чем нам стоит футбол. Этого не выразить в деньгах».

В свои 23 года Брайтнер, оказывается, провел на футбольном поле уже 5 тысяч часов. Да, изысканно, неутомимо, видима легкость, с какой играли на чемпионате асы футбола, достигнуты ценной колоссальной физических и нервных усилий на ежедневных, из года в год, тренировках. «В современном скоростном футболе, — пишет американский журнал

«Тайм», — карьера настольно коротка, что вряд ли стоит осуждать хороших игроков за то, что они спешат заработать деньги, пока есть возможность. Игроки из «Альсы» пробегают за 90 минут игры по 20 километров, а старшему в команде — 29 лет. Ноги постепенно отказывают, и к 35 годам человек становится выжатой молчаливой». 27-летний голландец Иохан Круифф, по мнению многих футбольных экспертов — лучший в мире нападающий, однажды сказал: «Я не так уж люблю деньги, как кажется некоторым, но без них ведь не проживешь. К тому же наша слава недолговечна. Пройдет несколько лет, и я не смогу бегать как сейчас. И тогда бучаник не даст мне буханку хлеба только за то, что я Иохан Круифф». Сам мелкого лавасника, потерявший двенадцать лет отца и вынужденный бродяжить школу, Круифф знает, что говорит. Конечно, сейчас похоже, что «буханку» хлеба на остаток жизни он и его коллеги по футбольному Олимпу себе уже обеспечили. Но Фортуна профессионального спорта — дама с переменчивым характером. И многие знаменитости испытали это на себе.

Бобби Мур — капитан английской сборной, принявший в 1966 году из рук королевы Елизаветы кубок чемпионов мира, — в пору своего взлета был полон оптимизма: «Если на футболе можно сделать миллион, я хотел бы быть первым, кому это удалось». Ему это почти удалось. Почти. Бобби называли «кронпринцем английского футбола». Сейчас его чаще зовут «заклятым». Звезда Бобби Мура начала закатываться после неудачной игры английской команды на чемпионате мира в Мехико четыре года назад. Спустя два года — новое поражение, в борьбе за титул европейских чемпионов. А в этом году англичане не выдержали даже отборочных игр чемпионата мира. И рядом со слоганом «непобедимого штишкина Мура» покати несмена Мура».

В один прекрасный день вся Англия узнала, что ее любимец штрафован руководством клуба «Уэст Хэм Юнайтед» на недельную зарплату за... выпивку накануне ответственного матча. Матч Бобби проиграл со счетом 0:4. От него отвернулись болельщики. А это последнее дело для карьеры профессионала.

В Древнем Китае (там играли в футбол — «цзу цю») еще за 2 тысячи лет до нашей эры) потерпевшее поражение командой отцу или в руки болельщиков. А в руках были палки. Бобби Муру, конечно, не грозило телесное наказание по древнекитайскому образцу. Его ударили по карману. Первым делом перестало приносить доходы рекламное агентство «Бобби Мур лимитед». Исчезли агенты из принадлежавших ему трех магазинов спортивного и одежды. Новое унижение: «Уэст Хэм Юнайтед» продает его во второразрядный клуб «Фулхэм». Беда не приходит одна. В отчаянной попытке поправить дела Бобби на пару с другим «непобедимым» — киноэкраным аген-

том 007, в а миру — актером Шоном Коннери — аступает в некий консорциум по строительству фешенебельного клуба. Когда оба спознаются, что влодят деньги в какой-то туманный авантюру, было поздно. Выход из консорциума стоил Бобби огромной суммы. Сжидая этим не кончился. Вскоре неизвестные обстреляли дом Бобби и подбросили в сад бомбу. Все три магазина подверглись вооруженным ограблениям. Не иначе как Мур и Коннери угодили со своими финансовыми начинаниями прамехонца в уголовный мир Лондона, тут же сделали вывод гзаты.

Сейчас бывший богач Бобби живет на скромные гонорары от Бульварной «газеты» «Дейли Миррор», что влодет деньги в медаль спортивную колонию, и на зарплату от клуба «Фулхэм» — пока бегают ноги. А ведь ему еще под тридцать лет...

Карьера футбольного «бога» может превратиться и в мгновение ока, прямо на футбольном поле. Особенно если ему придется играть против такого соперника, как англичанин Нобби Стайлз, стиль которого газета «Гамбургер абендблатт» описывала так: «За всю игру Нобби Стайлз «подвокал» только семерых игроков, всего дважды плюнул в лицо сопернику, каки-нибудь пять раз обругал игроков своей команды и только три раза — судью. Для Нобби — необычно миролюбивый матч. А от отца западногерманского тренера Деттемара Крамера о специальном фильме про грубую игру: «Ни в одном общественном кинотеатре на этот фильм не пустили бы детей до 16 лет».

Грубая игра на полях стала таким распространенным явлением, что по мнению многих западногерманских юристов, пришла пора вмешаться судьям не в коротких штанишках, а в настоящих мантиях.

Увы, жизнь «богов» профессионального футбола далеко не всегда сладкая, да и сами они часто ведут себя не по-божески.

Во время сборов по подготовке к чемпионату наставник шотландской команды Вилли Ормонд, человек с железными нервами, в войну ходивший на кораблях в Мурманск, сказал своим именитым подопечным: «Нарушении дисциплины не потерплю. Так и знайте: кто сорвется, пусть сразу собирает вощики и катится из команды. А на рассвете следующего утра жители рыбацкого поселка были разбужены молодежными криками: «Шот-ландия Шот-ландия! Размываем единственным весом, гордость команды Джинимс Джонстон стоял в лодке, удаляющейся от берега. На берегу задиристо горлачили его товарищи, тоже скоротавшие ночь в местной таверне. Лодку уносило все дальше, к горизонту... Когда рыбаки подобрали Джонстона, он уже не шумел — клалца зубами от холода и страха».

В эту ночь «железный» Вилли Ормонд глотал шнотворное: он знал, что никто ему не заменит легкомысленного Джонстона. Как ни злись, но не вывели его команду на поле без своего местного «бога в коротких штанишках»!

Главный редактор А. А. НОДИЯ.

Редакционная коллегия: В. Л. АРТЕМОВ, С. М. ГОЛЯНОВ, В. В. ГОРЕЛОВ (зам. главного редактора), О. А. ГОРЧАКОВ, В. В. ГРИГОРЬЕВ, М. А. ДРОВЫШЕВ, В. П. МОШАНГА, В. Д. ОСИПОВ, Б. А. СЕНЬКИН, С. А. ЧИВРИЯЕВ.

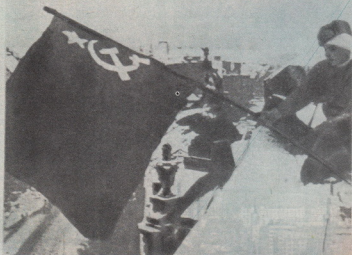
Художественный редактор О. С. Александрова. Оформление В. Д. Грылова. Технический редактор В. Н. Савельева.

Адрес редакции: Москва, 103104, Спиридоньевский пер., 5. Телефон 290-38-55. Рукописи не возвращаются. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на журнал.

Сдано в набор 19/VIII 1974 г. Подп. и печ. 21/VIII 1974 г. А09091. Формат 60×90^{1/2}. Печ. л. 3 (ул. 3). Уч.-изд. л. 5, 2. Тираж 450 000 экз. Цена 20 коп. Заказ 1503.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 103030, Мо-иwa, К-30, ГСП-4, Суевская ул., 21.

Венгрия в сердце моем

Дорогие друзья, читатели «Ровесника»!

К вам обращается редакция популярного венгерского молодежного журнала «Кепеш Уйшаг».

4 апреля 1975 года исполняется 30 лет со дня освобождения Венгрии от фашистских захватчиков. Венгерский народ с благодарностью чтит память советских солдат, принесших свободу Венгрии весной сорок пятого года.

В КАМУН СЛАВНОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАЗДНИКА «КЕПЕШ УЙШАГ» ОБЪЯВЛЯЕТ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ «РОВЕСНИКА» КОНКУРС:

- разыщите советских воинов, участвовавших в освобождении Венгрии, и запишите их рассказы;
- соберите дневники, документы, фотографии, относящиеся к весенним дням сорок пятого года.

УСЛОВИЯ КОНКУРСА

Собранные материалы мы просим выслать на адрес «Ровесника» с пометкой «**На конкурс**» не позднее 30 ноября 1974 года (не забудьте при этом указать свою фамилию, возраст, род занятий, полный почтовый адрес).

Конкурсные работы будут пересланы в Будапешт, где специальная комиссия определит победителей.

ПЕРВАЯ ПРЕМИЯ — НЕДЕЛЬНАЯ ПОЕЗДКА ПО ВЕНГРИИ.

Авторы двух следующих лучших работ будут награждены ценными подарками.

Самые интересные работы — интервью, рассказы, очерки, дневники, фотографии — будут опубликованы на страницах «Кепеш Уйшаг».

ЖЕЛАЕМ ВСЕМ УЧАСТНИКАМ КОНКУРСА УСПЕХА!